Последнее дерби

Повесть

1

НЕУДАЧИ ПРЕСЛЕДОВАЛИ нас с утра.

Сначала мы опоздали на электричку. Шварц слишком долго искал пачку сигарет, которая, как оказалось, завалилась за кровать, и всё, что нам посчастливилось увидеть на вокзале, — стремительно уменьшающийся в размерах хвост состава. Пришлось ждать следующего.

Ноябрьское утро выдалось прохладным, ноги и руки мгновенно одеревенели, изо рта вырывался пар. Полтора часа на лёгком морозце не пошли на пользу никому из нас. Скорее, наоборот.

Главная причина нашего опоздания громко ругалась, костеря глупое расписание, и монотонно сплевывала на платформу — Шварц бесился из-за потери времени. Его матерные бормотания, вызванные бессильной яростью, серьёзно раздражали, но попросить его прекратить никто не решился.

Тёплая электричка пришлась кстати. К онемевшим от холода конечностям с каждой минутой возвращалась чувствительность, унылое молчание, в котором мы провели прошедшие пару часов, наконец прервалось.

Низенький и худощавый паренёк по прозвищу Башмак с ехидной улыбкой на лице достал из кармана потрёпанную колоду карт и увлёкся игрой с Бэтменом. У последнего не оставалось ни единого шанса: малолетний наркоман сумел обыграть своего противника четыре раза подряд и теперь скалился не прерываясь. Бэту оставалось лишь недовольно хмурить брови и тоскливо глядеть на мелькающие столбы за стеклом.

— И ты надеялся выиграть? — улыбнувшись, поддел я его.

Мой собеседник отвернулся от окна и коротко глянул на меня:

— Ещё отыграюсь.

На это Башмак лишь улыбнулся ещё шире.

Почти не показывающийся в вагоне Шварц лишь изредка разговаривал с нами, предпочитая большую часть времени курить в тамбуре, заглядывая в вагон через стекло входных створок. Маляр вообще никак не реагировал на наши реплики — засунув наушники в положенное им место, он уставился в окно и почти не шевелился, будто ехал в полном одиночестве.

Курский вокзал, коротко обозванный в народе Курком, встретил нас противным мелким дождиком, особенно неприятным в такую хо-

лодную погоду, и давкой на платформе. Здесь нас тоже не ожидало ничего хорошего.

Нужная нам лавка находилась прямо в здании вокзала, далеко идти не пришлось. При входе в небольшую комнатушку висел кусок картона, приклеенный к стене скотчем, с неаккуратной, но заметной надписью маркером: «Скупка электротехники».

Разглядев вывеску, Шварц рванулся вперёд и мгновенно залетел внутрь. Долго ждать его не пришлось — уже через несколько секунд он вынырнул оттуда с оскаленным от злобы лицом и едва нас не опрокинул:

— Телефоны не принимают, суки!

Башмак громко выругался — первоначальный план, по которому телефон оставался здесь, а мы с деньгами ехали обратно, не сработал. Наша поездка в столицу теряла свой смысл.

Бэтмен, пожевав потрескавшимися и местами кровоточащими губами сигарету, с уверенностью в голосе произнёс:

— Сейчас впарим.

Его план не сработал. Получасовые потуги успеха не принесли. Мы лишь окончательно продрогли, предлагая каждому встречному приобрести «недорогой, почти новый телефон». Московский люд, видимо, привык к подобным предложениям и старательно не замечал нас, игнорируя столь щедрое предложение. Будь то статные мужчины с кейсами в руках, аккуратно обходящие нас, или же дородные дамы, от которых несло перегаром на несколько километров и которые перли прямо на нас, результат не менялся. Цифры на электронных вокзальных часах менялись, а телефон все оставался у нас.

Шварц вновь начал беситься: Маляр словил зуботычину, за то, что слишком ленно предлагал прохожим купить трубку, а виноватого вида интеллигент едва сумел унести ноги после того, как наступил Шварцу на кроссовку. Худой очкарик так отчаянно извинялся, что мне стало жаль его. Он пятился, прижимая кожаный портфель к груди, Шварц шёл на него, сжав свои широкие руки в кулаки, а Маляр с Башмаком радостно смеялись. На фоне этой картины хохот выглядел жутким. Впрочем, через пару мгновений я уже забыл об этом — интеллигент, окончательно посрамив свою честь, бежал прочь, забавно уворачиваясь от спешащих ему навстречу людей.

С Курского вокзала мы двинулись на Ленинградский. В метро Шварц озверел окончательно, он расталкивал всех без разбору, не церемонясь ни с кем на своём пути. Уже на выходе Бэтмен, не останавливаясь, обратился ко мне:

— Смотри за этим кретином. Он совсем взбесился.

Я глянул на движущуюся впереди фигуру:

— Постараюсь. Только хрен мы чего сделаем, если он разойдётся. Не в первой...

— Посмотрим, — прервал Бэтмен и пошёл быстрее.

Ленинградский вокзал мало чем отличался от Курского: то же обилие палаток и чебуречных, те же бомжи, клянчащие мелочь у прохожих, тот же грязный асфальт, с расползшимися от влаги кусками бумаги и картона повсюду. В общем, тот же грязный муравейник, что и большинство мест столицы. Шумный и бестолковый.

Желающих купить телефон здесь оказалось не в пример больше: почти на каждом углу, в основном, около небольших магазинчиков маленькими группками стояли ребята, интересующиеся не только телефонами, но и другими товарами, будь то фотоаппарат или же новенькая куртка. Где продавец брал всё это, барыг, конечно, не интересовало.

Шварц, хмурясь, оглядывался, он никак не мог решить к кому же подойти. Большой выбор заставлял глаза разбегаться.

Поразмыслив с полминуты, он уверенным шагом двинулся к трём мужикам, стоявшим около одной из чебуречных. Все трое смуглые и здоровые, как на подбор. Связываться с кавказцами не хотел никто из нас, в нашей среде их ненавидели, но деваться было некуда. Если на этом рынке и нашёлся бы хоть один русский, то он наверняка торговал бы какой-нибудь ненужной дрянью в самой глухой части.

Они разговаривали между собой, причём делали это настолько громко, что тему беседы мы уловили, не доходя до них метров двадцать. Все трое одеты в кожаные куртки и джинсы, очень похожи друг на друга: смуглая кожа, тёмные сальные волосы и визгливый смех, то и дело слышащийся с их стороны.

Внимания на нас не обратили даже после того, как мы оказались перед ними. Разговор продолжался:

— Наташа, мразь, работать не хочет, а денег требует. Пришла ко мне, говорит: «Дай денег, два месяца уже без зарплаты», а я ей: «Давай ты мне кое-что сделаешь, а я тебе деньги!» — один из них визгливо захохотал, показывая миру давно не чищенные тёмные зубы. Остальные поддержали товарища и тоже начали смеяться,

один даже хлопнул его по плечу, оценивая его тонкий юмор.

— Шакальё, — негромко сказал Бэтмен и покачал головой, брезгливо поджав губы.

Повернувшись к нему, я понял, что мы остались втроём. Башмак и Маляр стояли перед пьяным мужиком, танцующим перед входом в музыкальный магазин. Башмак подпевал алкашу и танцевал вместе с ним, иногда пиная неуверенно движущегося старика, а Маляр, смеясь, снимал всё это на телефон. Совсем дети...

Шварц тем временем начинал звереть. Чурки, как он часто их называл, оказались перед нами во всей красе — хамоватые, наглые и уродливые. Замечая руку Шварца, медленно сжимающуюся в кулак, я выругался сквозь сжатые зубы.

— Телефоны покупаете? — Черныш говорил спокойно, плавно, совсем не так, как он говорит обычно.

Они наконец повернулись к нам. Заговорил самый крайний, до этого молчавший:

— Смотря какие. Покажи, — он произносил слова без акцента, словно русский был его родным языком.

Шварц расстегнул куртку, достал из внутреннего кармана телефон. Выглядел он не так уж и плохо, с трудом верилось, что эта вещица принадлежала Чернышу: редкий предмет мог «прожить» у него долго. Вспышки гнева по самым разным поводам и почти ежедневные пьяные приключения не оставляли шансов хрупким, легко ломающимся вещам.

— Пять сотен дам, слышь, и по рукам, — барыга, рассказывающий до этого анекдот, протянул свою грязную лапу в сторону Шварца. Тот даже не посмотрел на неё:

— Пятихат? Кончай, рубля два хотя бы, совсем не наглей!

Кавказец на пару мгновений оскалился, затем зло отрывисто произнёс:

— Я тебе быстрее в рожу двину! Пошёл вон отсюда!

Шварц ничего не стал говорить. Вместо слов он послал правый кулак прямиком в нос этому уроду, старательно доворачивая корпус. Удар вышел знатным, эта скотина вряд ли ожидала что-нибудь подобное — он не успел увернуться и рухнул на асфальт. Правая у Черныша всегда была в порядке.

За пару мгновений в голове проскочила молния — это была жгучая мысль, изо всех сил кричавшая: «Бежать!».

Двое оставшихся не рискнули вступать в обмен ударами и, громко ругаясь, отошли на несколько шагов, обещая Шварцу вечность мучений. Один что-то заорал на своем языке, а другой повторил это же гораздо громче.

Шварц кинулся сразу на двоих. В такие моменты он напоминал мне зажатого в угол зверя. Обезумевший, беспощадный, бесстрашный — почти никогда не отступающий, старающийся дорого продать клубный шарф, который снимут с лежащего на асфальте фаната, и своё здоровье. Это вызывало огромное уважение среди парней.

Черныш стянул их на себя, одному два раза хлопнул по лицу, другого разок щёлкнул в челюсть, но против двоих здоровых мужиков, готовых к нападению, ничего основательного противопоставить не смог. Эти удары они перетерпели и даже несколько раз достали голову Шварца.

Мы с Бэтом ринулись к ним, барыги, прикрывая головы, отошли ещё на несколько шагов, продолжая скалиться и материться.

— Гриндор, валим! — я услышал окрик и повернулся к Бэту. Увидел его расширенные от ужаса глаза. И, оглянувшись, испугался сам.

Они лезли отовсюду, словно тараканы. Из каждого магазинчика, из-за каждого дрянного прилавка к нам спешили чурки, причём спешили не с пустыми руками: я успел заметить один сверкнувший нож и несколько бит. Всего человек двадцать. Выбирая путь для отхода, я отчаянно крутил головой, улица превратилась в одну размытую картинку. Выхода я не находил.

Бежать некуда.

Нервно сглотнул, выдохнул. Страх настойчиво пытался затуманить сознание: задрожали руки, в колени ударила такая слабость, что я чуть не упал. В голове билась единственная мысль: «Беги! Спасайся!», но я продолжал медленно пятиться и вертеть головой, стараясь прогнать самого худшего помощника в таких ситуациях. Краем глаза заметил, как Шварца повалили на землю два крепких кавказца и принялись месить его ногами.

Выхода нет. Держать лицо.

Первый добравшийся до меня урод остановился в паре метров и произнёс, коверкая слова:

— Брат, что такое, да, зачем драка? Успокойся, брат, всё нормально, — он примиряющее поднял обе ладони. — Успокойся, всё хорошо, да.

В это время кто-то схватил меня сзади, ощутимо боднул в затылок и заблокировал руки, удерживая их за спиной. Пару раз дёрнувшись, я понял — дело хуже некуда. Держали крепко.

Стоявший передо мною кавказец не стал ничего больше говорить. За пару мгновений он подлетел ко мне, широко замахнулся и отправил свой кулак прямиком в скулу. Резкая вспышка тупой боли, пару мгновений невесомости, и вот я вижу, как кулак опять летит к моему лицу. Этот удар вышел гораздо слабее, нос едва заметно хрустнул, а по губам потекло что-то тёплое и противное. Третий удар в солнечное сплетение заставил меня жадно хватать ртом воздух, в попытке донести до лёгких хоть одну каплю. Приступ тошноты.

— Получай, русская сука! — последнее, что я услышал.

А затем наступила ночь.

* * *

— Гриндор, вставай, — кто-то назойливо тряс меня за плечо. — Вставай! Мусора!

Попытался открыть глаза. Веки словно налились металлом, тяжёлые, неподъёмные. На языке горьковатый привкус, левая рука ощутимо дрожит. Щека распласталась на чём-то шершавом и холодном. Отвратительно воняет пирожками... Теми, что продают неопрятные старухи на вокзале. И ест ведь их кто-то...

— Поднимай его и пошли с нами, — этот голос мне не знаком. Низкий, явно принадлежащий взрослому мужчине, а не подростку пятнадцати лет. — Вы, кстати, тоже.

Больше до меня не пытались достучаться. Кто-то поднял меня, едва слышно ругаясь, и с трудом пытался удержать на ногах:

— Гриндор, — услышал я голос Бэтмена. — Жирная зараза, я тебя не удержу! Давай, просыпайся!

Он всё-таки заставил меня открыть глаза.

Уже через минуту я, опираясь на плечо Бэтмена, осторожно шёл за тремя ментами, двигающимися чуть впереди нас. Они частенько поглядывали назад, о чём-то неслышно переговариваясь, иногда спрашивая что-то у Бэтмена. Голова ещё не пришла в себя после нескольких ударов, поэтому большую часть реплик я так и не понял.

Внутрь главного здания вокзала, несколько минут по коридорам. Встречные окидывают нас заинтересованными взглядами, порой в них проскальзывает жалость, которая не нужна никому из нас. Каждый раз, ловя чей-нибудь взор, я растягиваю разорванные полопавшиеся губы в улыбке, являя заинтересованным зевакам залитые кровью зубы. Это неприятно, но брести в отделение с угрюмым лицом, опираясь на товарища и показывая свою слабость — ещё неприятнее.

Комната милиции. Небольшая, примерно два на два, ржавая клетка, в которой всегда воняет мочой и блевотой, — местная обезьяна. Все знают о подобных местах, но не все представляют насколько противно сидеть в этой изгаженной мини-камере.

Толстый мусор с бордовым лицом запирает нас и с интересом смотрит на скрюченного Шварца. Тому досталось больше остальных, он сидит и сжимает зубы, чтобы не застонать.

— Ну что, малолетки. Родителей будем вызывать? Или документы есть у вас?

Переглянувшись, нехотя достаём документы — они есть у всех. Привычка, выработанная после выезда в Питер. Тогда Маляру пришлось сидеть в обезьяне два дня, пока за ним не приехали родители.

Первым толстомордый разворачивает мой паспорт. Смотрит на дату рождения, хмыкает и качает головой. Вслух произносит моё полное имя, с тихим шелестом переворачивает страничку и называет город, который там указан. Спрашивает, зачем же я наведался в Москву. Я стараюсь отвечать безразличным голосом:

— Чурок тут больше, а то у нас драться не с кем.

Мусору эта фраза не понравилась, он поднял на меня взгляд, задержался на лице, а затем бросил документы на стол, за которым сидел второй и что-то писал в толстой тетрадке. Следом полетели ещё две небольшие книжечки.

Его наглая, ухмыляющаяся морда безумно раздражала. Ненавижу это племя всей своей душой, никчёмные, бесполезные создания, не способные сделать ничего из того, что им полагается. У меня перед глазами висела картина, как после одного из матчей подобная мразь избивала девушку на глазах у всей толпы, бредущей со стадиона. Девчонка орала, стараясь вырваться, но тот крепко держал её за волосы и лупил её дубинкой по ногам и ребрам, а несколько его коллег не пропускали заступников из числа проходящих мимо.

— Они первые начали, — угрюмо произнёс Шварц, словно ученик, которого наказывали за драку после уроков. — Мы просто хотели продать телефон.

— А мобилу-то вы откуда взяли, — мент уселся на стул, пододвинув его поближе к клетке.

— Купил давно. Он старый уже, решил продать, — Шварц безуспешно пытался остановить кровь, бегущую из носа.

Второй мусор, в это время сидящий за столом и переписывающий наши документы, хмыкнул и улыбнулся:

— Продали...

— Дальше что? — Бэтмен пытался усесться поудобнее на грязную исцарапанную лавку. — Сколько держать собираетесь?

Капитан размял лицо и, подумав пару мгновений, ответил:

— Ну, пока составим акт, пока то-сё. Часиков пару посидите, утихомиритесь. Ничего страшного не случится.

Бэтмен выругался и затем произнёс:

— Ещё раз говорю — нам на хрен эти чебуреки не сдались! Против целого рынка воевать мы не собирались! Тем более, нам бы в аптеку...

Капитан помолчал ещё несколько секунд, а затем со вздохом сказал:

— Здесь эта история не в первый раз, постоянно такое происходит, — он переглянулся с другим, сидящим за столом. — Ладно, отпустим, толку-то с вас.

Наши славные «хранители спокойствия» в действии. Они именно «видят». Наблюдают, предпочитая оставаться в стороне до разрешения ситуации самой по себе, а затем с бравым видом появляются там, где они уже должны быть. Видели они... Мы тоже не в первый раз такое видим. И все уже давно привыкли к этому.

— Аптека за углом, — отдавая документы, бросил нам капитан. — Советую рынок вам обойти.

Ему никто не ответил.

2

МОЛОДЕНЬКАЯ ДЕВЧОНКА, хмурясь, смотрела на нас со смесью жалости и отвращения. Бэтмен бинтовал ногу — в суматохе драки какая-то сволочь вскрыла ему ляжку ножом. Рана оказалась не глубокой, но крови натекло прилично. Шварц лил на разбитые дёсны и губы ледокаин, при этом страдальчески морщась, не столько от боли, сколько от цены обезболивающего.

Я в десятый раз сморкнулся и выбросил очередную салфетку, перепачканную кровью. Челюсть продолжала противно ныть, а голова кружилась, иногда начиная болеть. Предметы перед глазами плавали, и я, с трудом стоя на ногах, надеялся, что сотрясения у меня нет.

— Джинсы ещё придётся выкинуть, — со злостью прошипел Бэтмен, стараясь оттереть пятна крови и грязи на штанах. — Приключения нас ждали...

Шварц, переставший брызгать себе в рот ледокаин, посмотрел на товарища:

— Задолбали ныть уже! Как бабы! Не в первой по морде получать, чего разревелись?!

— Да пошёл ты, — бросил Бэт, продолжая возиться с одеждой. — Всё из-за тебя, урода!

Шварц собрался броситься на неугомонного друга, но перед ним встал низенький Башмак:

— Шварц, ты реально не прав...

— Рот закрой! Пока мы люлей получали, вы стояли и пялились! Ещё фанатами зовётесь, только цвета позорите! Уйди отсюда к чертям!

Башмака, видимо, очень сильно обидели эти слова, он хотел что-то сказать, но затем осёкся, понимая, что раздражённому Чернышу он вряд ли что-то докажет и, едва заметно махнув рукой, отошёл в сторону.

— Чего нам делать-то надо было? Прибежать и вместе с вами лечь? — подал голос Маляр, стоявший около выхода.

Шварц, будто его полчаса назад не лупили ногами двое мужиков, в пару мгновений подскочил к подавшему голос Маляру и ударил его в живот. Тот согнулся и сделал несколько шагов назад, смотря расширенными от удивления глазами на Черныша. Удар вышел не самым сильным, но болтать Маляру явно расхотелось.

— Угомонись, идиот! — я решил поддержать Бэтмена. — Мы за тебя стояли, а ты права качать начинаешь!

— А тебя я и не трогаю! К тебе, как и к Бэту, претензий нет, только ныли бы поменьше! А щенкам никто не разрешал говорить, так что пусть пасть захлопнут!

— Молодые люди, ругаться прекратите! — испуганно крикнула девчонка, стоявшая за прилавком. — И рукоприкладство тоже! Сейчас милицию позову!

— Мы только что оттуда, — буркнул Бэтмен, набрасывая куртку.

— Боюсь, они даже соскучиться не успели... Извините, мы больше не будем! — бросил я.

Девушка нам ни на секунду не поверила и продолжила испуганно глазеть из-за кассы. Ну да, в таком виде поверить нам было сложно.

— Так, ребятки, все вон отсюда пошли, — откуда-то из недр помещения вышла пожилая

женщина в медицинском халате и начала нас выпроваживать. — Пошли, пошли! Лиза, зачем ты им вообще тут остаться разрешила?

Шварц принялся протестовать:

— Мамаша, погоди, скоро пойдём, дай дух хоть перевести. Не видишь что ли, как нас?

«Мамаша» посмотрела на Черныша, словно перед ней бегал таракан, и повторила:

— Вон отсюда пошли! Я сейчас правда милицию вызову, на улице долечитесь!

— Шварц, пошли, — негромко заговорил Башмак. — Второй раз фиг так быстро отпустят.

— Всё, старушка, всё, уходим, — сказал Бэт, ковыляя в сторону выхода. — Чтоб тебе пусто было, старая...

— Старушка... Молокососы хамские! Что ж вас не прибили! — мгновенно завелась женщина.

— Ну извиняй, плохо старались, — сказал Черныш, прежде чем раздражённая «старушка» захлопнула за нами дверь.

— Безумная бабка, — выдохнул Бэт, когда мы оказались на холодной улице.

Здесь ничего не поменялось. Мимо нас текли все те же потоки одинаковых людей, спешащих на рынок или, наоборот, прочь с него, все так же дул холодный ветер, а в воздухе воняло омерзительной выпечкой. Окровавленные, в разорванной одежде, мы стояли около приземистого здания аптеки и старались хоть как-нибудь привести себя в порядок. Никакого интереса наш вид не вызвал — в Москве все давно привыкли к подобному.

Злой и раздражённый после этой глупой ссоры, я попытался вдохнуть полной грудью, но добился лишь того, что кровь из носа полилась с новой силой. Гнусаво выругавшись, я достал из кармана последние несколько кусков ваты, затолкал их в обе ноздри, поплёлся вслед за уходящим в сторону метро Шварцем, которому надоело торчать на месте. Башмак и Маляр постояли несколько минут около входа в аптеку и, переглянувшись, бросились за нами вдогонку. Бэтмен, без устали ругаясь, двигался рядом со мной.

В кармане завибрировал мобильный телефон. Начиная беситься ещё сильнее, я принялся извлекать трубку из джинсов, думая о том, что кто бы это ни был, позвонить в самый не нужный момент у него получилось.

Надпись на крошечном экранчике гласила: «Вызывает абонент Мама». Выругавшись ещё раз, правда, теперь шёпотом, я нажал на зелёную кнопку и приложил трубку к уху.

— Внимательно, — я догадывался, о чем пойдёт речь, и хотел как можно быстрее прекратить этот разговор.

— Алло, — голос у мамы был очень усталым. В последнее время я слышал только подобный тон. — Гриша, ты где сейчас?

— В Москве, — я пытался говорить ровно, но в голосе всё равно проскальзывало раздражение. И какая разница, где я сейчас нахожусь?

— А почему ты не предупредил, что из города уезжаешь?

Я выпустил воздух сквозь сжатые зубы:

— Потому что. Зачем?!

— Я волнуюсь...

— Ты всегда волнуешься, толку от этого нет никакого.

Голос, доносившийся из динамика, надолго замолчал.

— Ладно, мать, мне пора идти. Завтра вечером буду дома. Не переживай.

— Опять на ночь? — она вздохнула. — Может, хоть домой забежишь?

— Нет. Всё, говорю же, идти пора. Тепло одет, тепло. Счастливо.

Только положив трубку, я вспомнил о том, что в моей головной боли и ссоре с друзьями виноваты многие, но только не мать.

* * *

Дорога обратно выдалась ещё более тоскливой, чем в Москву. Мы молча сидели на своих местах, задумчиво вглядываясь в окно, и изредка выбирались покурить в тамбур. Шварц крутил в руках телефон, продать который нам не удалось, и горестно вздыхал, порой морщась от головной боли.

— Ничего. Мы ещё туда вернёмся, — произнёс он в тот момент, когда собака остановилась у очередной станции.

Гнетущее молчание, державшееся почти всю дорогу, было прервано, и я не хотел, чтобы оно возобновлялось:

— Зачем? Ещё раз огрести по полной? У меня, знаешь, котёлок до сих пор с трудом варит, больше туда возвращаться не хочу.

По крайней мере, без маленькой армии. Иначе делать там нечего.

Шварц презрительно хмыкнул и промолчал.

Собака стремительно неслась прочь от Москвы, а мы продолжали уныло сидеть и пялиться на пролетающий ландшафт. Помимо нас в вагоне находились три старушки, тихо беседующие между собой, и пожилой мужчина с бутыл-

кой пива, то и дело бросавший взгляды в нашу сторону.

Уже около Электростали Башмак начал виновато ёрзать, сучить ногами, смотреть то на меня, то на Шварца и, видимо, окончательно собравшись, сказал:

— Шварц, я, наверное, к тебе не пойду сегодня. Директорша наша снова орала...

— Не хочешь — не иди, — Шварц старался не показывать виду, что слова Башмака его разозлили. Получалось не очень. — Только на дерби тоже без нас езжай!

Башмак нахмурился, начал щёлкать суставами пальцев, стараясь не смотреть в глаза собеседнику.

— Так даже лучше будет, — не умолкал Черныш. — Нытья твоего поганого слышать не придётся, да и рожа твоя наркоманская перед глазами мелькать не будет.

Башмак обиженно взглянул на Шварца:

— Ты понимаешь, что меня выгнать могут? И жить мне где? Как в прошлом году по друзьям шататься, в подъездах дрыхнуть?

— У тебя отговорки, как у сопляка малолетнего. Хотя ты именно такой и есть. Может, ты и футбол начнёшь пропускать из-за того, что на тебя кто-то там орёт?!

Обиженный мальчуган чуть не задохнулся от возмущения:

— Футбол это совсем другое!

— Угу. Все так говорят. Начинают с кидания друзей, твердят, мол, орут на меня, не могу я, а заканчивают тем, что на футболе два раза в год появляются. А говорят именно так же, как и ты: «Футбол — другое», — передразнил Шварц.

Башмак не нашёл ответа и пару минут молчал. Наверное, вспоминал, как ему жилось год назад, когда, решив убежать из детского дома, он оказался на улице. Судя по его рассказам, это были не самые приятные полгода.

— Хорошо, Шварц. Я пойду, — Башмак сказал это сначала тихо, едва различимо, а затем, прочистив горло, повторил окрепшим голосом: — Я пойду.

Бэтмен, сидевший напротив меня, улыбнулся и хлопнул Башмака по затылку:

— Хорош. Уважаю, — проговорил он при этом. Башмак в ответ на это лишь натянуто улыбнулся.

После этого разговора мы заметно взбодрились: Башмак был забавным малым, и его присутствие на вписке гарантировало незабываемую ночь — уж слишком часто паренёк не рассчитывал свои силы и, приняв достаточную дозу алкоголя, вытворял что-нибудь запоминающееся на долгое время.

Потихоньку завязался разговор, Бэтмен во всех красках, активно жестикулируя и приукрашивая, рассказывал нам, как он видел драку:

— Он Гриндора — хвать! За плечи. Я думаю, сейчас подсоблю. Ну, двинулся, думаю, кранты вам, чуркобесы! Тут кто-то мне в затылок ка-а-ак двинет! Я поворачиваюсь, а мне ещё разок бах! Как ногу проткнули, вообще не почувствовал, онемела только и, чувствую, что-то тёплое по ноге растекается.

— Ты, наверное, подумал, что обделался?! — со смехом сказал Шварц.

Рассказчик в ответ на это махнул рукой:

— Да не, я сразу понял, запаха-то не было!

Окончание его фразы потонуло в дружном хохоте.

Головная боль постепенно успокаивалась, позволяя мне спокойно разговаривать и смеяться, не морщась каждые несколько секунд. Лишь нос, да ноющая скула не давали мне позабыть о случившейся драке.

Мы постепенно отходили от этой неприятной стычки и от глупой ссоры в аптеке. Завязался нормальный разговор, парни шутили и смеялись, а Башмак, не переставая улыбаться и слушать рассказ Бэтмена, оттягивал нижнюю губу и сыпал в рот крошечные шарики грязного цвета. Опустошив половину прозрачного пакетика, он сплюнул несколько раз и довольно засопел. Радостная улыбка перерастала в блаженную.

Лишь Маляр, к чьему поведению мы давно привыкли, всю дорогу выглядел отрешённым и в общем кипише не участвовал. Иногда он бросал недовольные взгляды на Шварца, видимо, вспоминая обидный удар в аптеке, но за весь путь не произнес ни одного слова. Лишь после того, как мы оказались на платформе, смеющиеся и весёлые, он заговорил:

— Ладно, кони, я пойду. Мамка ещё ждёт, да и на ночь оставаться я не собирался.

— Так я тебя и не звал, — напомнил ему Шварц, пожимая руку.

Тот оставил эту фразу без внимания. Маляр шёл к автобусной остановке, засунув руки в карманы и накинув на голову капюшон.

— Интересно, почему его никто не любит? — задумчиво хмыкнул я.

— Таких, как он, никто не любит, Грин, — Шварц потёр пальцами виски. — Ладно, пошли выпить, что ли, возьмём.

Бэтмен недоверчиво сощурился:

— Как возьмём? Телефон мы же не загнали! Откуда лаванда?!

— Есть у меня ещё нал, — бросил Шварц, двинувшись к гастроному, расположенному прямо рядом с платформой. — Дерби завтра, священный день — как тут на вас, уродов, не раскошелиться?

Мы не заставляли себя упрашивать и направились за ним. Погода к вечеру испортилась окончательно, стало ещё холодней. Ветер, с утра пронизывающий до костей, теперь грозился вовсе валить людей с ног, а с неба накрапывала противная смесь дождя со снегом.

Накинув на голову капюшон, я до конца застегнул куртку, ежась от то и дело налетающих порывов ледяного ветра: после тёплой и уютной электрички летящая в лицо морошка казалась невыносимой.

В маленькой комнатке — только-только развернуться, Шварц долго раздумывал, прежде чем указать на желаемое. Толстая тётка смотрела на нас и лениво двигала челюстями, перемалывая жвачку. Указательный её палец при этом, словно метроном, точно и равномерно стучал по стеклянной витрине, рождая раздражающий (я понял это по бешеному взгляду Черныша, брошенному на продавщицу) Шварца звон.

Башмак нетерпеливо пританцовывал на месте, в старых и рваных кроссовках ноги мёрзли даже в помещении.

После двухминутной борьбы мыслей наш спонсор был готов сделать свой выбор:

— Бутылку водки. Нет, ноль семь. Да-да, давайте её. Потом, пива, литра... Я не знаю, Башма, денег может не хватить. Ладно, три литра. Грин, ты чё хотел, не? А то ты морда привередливая, я знаю... И три бутылки «Карелии» дайте. Ну, настойка клюквенная! Вон же она, красненькая! Да-да-да-да!

Тётка назвала сумму, Шварц полез в карман. На мгновение остановился, напоследок выдав:

— Три пачки сухарей и две пачки «Альянса».

Ещё через пару минут мы топали по пустынной улице, звеня содержимым пакетов. Прохожие встречались редко, мало у кого возникало желание показываться на улице в такую погоду. Мы были почти одни на этом длинном и, как нам казалось, бесконечном тротуаре.

— Не дай бог погода завтра будет такая же, — дрожащим голосом произнёс Башмак. — Повеситься только останется — два часа на стадионе торчать!

Ему никто не ответил: Бэтмен сосредоточенно хромал, а Шварц низко наклонил голову, спрятав разбитые губы под куртку.

Вскоре мы свернули с тротуара, оказавшись в глухом дворе. На улице уже окончательно стемнело, с трудом различая лица друг друга и дорогу перед собой, мы шли вперёд, стараясь не оступиться и не угодить в одну из луж, которых было слишком много на старой и разбитой дороге. Меньше всех повезло Башмаку — он задумался и наступил в широкий разлом на асфальте, наполненный ледяной водой. Наблюдая за тем, как он, скривившись, громко ругается, я только покачал головой — полгода жизни Башмака на улице как раз пришлись на осень и часть зимы.

В темноте мы не сразу заметили, как к нам подошли трое. Они вышли из-за деревьев, поэтому в первое мгновение показалось, что силуэты возникли из ниоткуда. Шварц, идущий первым, поднял голову и охрипшим голосом спросил:

— Ну и? Мелочи надо?

Дальняя от нас фигура подошла поближе, в темноте я едва различил улыбку:

— Всегда так друзей встречаешь, Шварц?

Черныш, вглядываясь в лицо неожиданно появившегося собеседника, тоже начал расползаться в улыбке, что случалось с ним не очень часто:

— А, Колян. Богатым будешь. Чего здесь делаешь-то?

Собеседник коротко хохотнул:

— Ну, вообще-то тебя жду. Ты вроде как на ночь меня звал!

— Прости. Позабыл чего-то. Погнали в подъезд уже, чего тут торчать?!

Коля перебросился парой слов с двумя молчавшими парнями и, попрощавшись, двинулся вместе с нами. До старой деревянной двери, еле державшейся на петлях, оставались считанные метры.

Внутри воняло мочой и сигаретным дымом, под кроссовками хрустело разбитое стекло. В свете одинокой, тускло светящей лампочки Коля наконец увидел наши лица:

— Весело, парни. И кто же вас?

Шварц, не останавливаясь ни на секунду, коротко бросил, прежде чем вставить ключ в замок:

— Хачики.

Коля лишь хмыкнул, но ничего не сказал.

Я пару раз бывал в подъезде Черныша, но внутри квартиры, в которой он снимал комнату,

мне бывать не доводилось. Квартира, впрочем, полностью соответствовала моим ожиданиям: внутри воняло не хуже, чем в подъезде, на полу валялись ошметки грязи, занесённой на подошвах многочисленной обуви, которая была разбросана по всему коридору. Похоже, сожители Шварца относились к порядку подобным своему соседу образом.

На потолке висела точно такая же, что и в подъезде, лампочка, едва позволявшая разглядеть голые стены и наши тёмные силуэты. Скинувший свою поношенную ветровку Шварц сказал:

— Куртки тут оставьте, — он принялся отпирать дверь, ведущую в его комнату.

— Не сопрут? — деловито поинтересовался Бэт.

— Кому они нужны. Да никто ничего не возьмёт, зуб даю. Тут люди нормальные живут, кроме еды ничего не воруют.

3

ЗА ДВА ЧАСА пребывания здесь мне так и не удалось понять, что за запах поселился в этом помещении. В какой бы угол я не сунулся, за какую вещь не взялся — везде поджидала встреча с кисловатой, едва ощутимой, но от этого лишь более гадкой вонью.

Открытое настежь окно и клубы табачного дыма, испускаемые Шварцем, не помогали. Этот запах не могло перебить ничто! На заданный вопрос хозяин комнаты лишь слегка выпятил нижнюю губу, нахмурил брови и задумчиво покачал головой, показывая тем, что ничего такого нет, мне просто кажется.

Все остальные, словно решили поддержать своего товарища, ни единым словом не упомянули премерзкий запах, так раздражавший меня, безмолвно соглашаясь с временным хозяином комнаты.

То ли от этого запаха, то ли от ерша — смеси пива и водки в равных пропорциях, у меня вновь заболела голова. Движение глазными яблоками мгновенно отзывалось тупой болью в висках. Не переставая морщиться, я забрался на старую хозяйскую кровать, повернулся на бок, прижав пылающую жаром щеку к прохладной подушке, и закрыл глаза. Таблетки после краткого шмона в комнате у Шварца обнаружены не были, поэтому оставалось только терпеть.

Спать мгновенно расхотелось. Слипающиеся глаза остались лишь в памяти, ночью тело жаждало движения. Как будто этого движения сегодня не хватило в Москве. Поворочавшись с полчаса и поныв в своё удовольствие, я поднял веки и, лёжа на спине, пялился в потолок, прислушиваясь к пульсирующей боли внутри моей черепной коробки.

Как же башка раскалывается!

Легче не становилось. Да и было бы с чего: парни, похоже, не замечали моё состояние, продолжая звенеть посудой и издавать другие резкие, столь неприятные для меня сейчас звуки.

Я медленно повернул голову набок, шумно сглотнул. В горле пересохло, но лишний раз подниматься мне не хотелось. Боль чуть успокоилась, позволяя немного передохнуть, и я своими неосторожными движениями боялся разбудить её вновь.

Гаденькая комната у Шварца, думал я, оглядывая помещение, которое он называл своим домом. Ни за что не захотел бы в ней жить. Широченный шкаф, набитый хламом, мелкий телевизор, рядом с которым стояла древняя приставка, исцарапанный квадратный стол в углу, рядом с ним такие же старые стулья. Окно с крошечной форточкой, да рассохшаяся кровать, немедленно отзывающаяся скрипом на любое движение. Эта комната пробуждала во мне глухую тоску, в первую очередь потому, что когда-то я жил примерно в такой же халупе с родителями и старшим братом. Ещё до того, как отец, позабыв обо мне, уехал в другой город.

— Получай, морда! — широким замахом Башмак шлёпнул карту на стол. — Так-то! Получай!

Сидящий напротив него Шварц, в очередной раз проиграв, зло зыркнул на своего обидчика и, махнув рюмку клюквенной настойки, пригрозил:

— Сказал же — не ори! В соседней комнате семья, тебе надо слушать их нытьё? Мне вот нет. Так что ещё раз заорёшь — пойдёшь гулять.

Башмак попытался скрыть довольную ухмылку и изобразить виноватое выражение лица, почти шёпотом извинившись. Видимо, ему не очень хотелось оказаться на улице прохладной ноябрьской ночью. Черныш осклабился, очевидно, довольный капитуляцией оппонента, и вновь взялся за бутылку. Настойка ярко-красного цвета потекла в рюмки, тасующий колоду Башмак отложил карты и хищно облизнул верхнюю губу. Шварц, заметив мой взгляд, поинтересовался:

— Гриндор, может быть?

— Лей, — произнёс я охрипшим голосом.

Ещё одна рюмка наполнилась до краёв.

Шварц уже и не вспоминал о наших утренних приключениях. Подобные события случались с ним довольно часто, «вляпаться» он мог на самом ровном месте, так что очередная драка уже не служила предметом оживлённого обсуждения.

Последствия переживал, похоже, только я. Бэтмен, упершись взглядом в телевизор, почти не вспоминал про свою ногу, лишь изредка, когда она затекала, укладывал её поудобнее, занимая половину комнаты. Про голову Шварца говорить вообще не стоит — будет покрепче иного камня. Никакого дискомфорта после десятка мощных ударов: поверить в это, не зная обладателя этой черепушки, довольно трудно. Лишь Башмак иногда похихикивал, вспоминая мой сумасшедший взгляд перед дракой или забавное падение Бэтмена. Черныш, впрочем, не давал остряку разойтись, резко прерывая его глумления, напоминанием о трусости Маляра и Башмака, решивших остаться в стороне.

Раздумывая об этом, я медленно поднимался, не шевеля головой. Так же неспешно подошёл к столу, взялся за тоненькую ножку посуды, едва ощутимо чокнулся с бокалами друзей.

— Этим, — Шварц, прежде чем выпить, кивнул в сторону Бэтмена и Коли, зависших перед телевизором с джойстиками в руках, — даже предлагать не буду! Пусть дальше фигнёй маются! — зло проговорил хозяин комнаты и мгновенно махнул рюмку.

Башмак в это время уже жевал чипсы, жмурясь от удовольствия. Опорожнённая тара стояла на столе.

Я не торопясь поднёс посуду к губам — ноздри защекотал приятный запах, и медленно перевернул рюмку. Язык обожгло лишь немного, настойка была сладкой и терпкой одновременно. Постояв так пару мгновений, я жестом отказался от протянутой мне пачки чипсов. Подобное в закуске не нуждалось, быстро тающий во рту горьковатый вкус ягод был приятен.

— Принеси табуретку с кухни, — Шварц разливал по новой. — Не стоять же...

Кое-как я сходил на кухню, отыскал в темноте грубый, сколоченный местными обитателями табурет, ругнулся, зацепив маленькую занозу, и, промочив носок в лужице холодной воды, растёкшейся рядом с холодильником, вернулся обратно.

— Гриндор, много не пей, — бросил мне Бэтмен, не выпуская джойстика из рук. — Завтра важный день. А ты, если перепьёшь, — весь день как говно раскисшее.

— Не переживай, — ответил я с улыбкой. — Так, по чуть-чуть.

Бэт только кивнул, так и не повернув ко мне лица. Приставка поглотила его полностью, мне даже подумалось, что они с Колей могут сидеть и играться так до утра.

— Ты мне парня тут не учи! — Шварцу не понравилось, что его пытаются лишить собутыльника. — Он сам решит, сколько ему надо.

Бэтмен в ответ на это лишь пожал плечами. Спорить с пьяным Шварцем вещь бессмысленная, а иногда и опасная.

После первой рюмки время понеслось гораздо быстрее. Вторая бутылка настойки подходила к концу, Башмак начинал клевать носом и пытался удобнее устроиться на столе, заваленном бутылками и дешёвой закуской, а Шварц продолжал наливать, лишь иногда позволяя нам перевести дух.

Мигрень утихла, позволяя наконец облегченно вздохнуть. Меня весьма ощутимо бросало из стороны в сторону, а для того, чтобы удержать рюмку, приходилось прилагать всё больше и больше усилий.

— Суки, — сквозь зубы ворчал Шварц, куря сигарету и не отрывая взгляда от Бэта. — Ничего, завтра выброшу её к едрене фене!

— Лучше мне отдай, — первый раз за весь вечер подал голос Коля.

Шварц ещё более зло запыхтел сигаретой, пару секунд подумал, после чего выдал:

— Хрен тебе!

Он, как обычно, после пьянки становился злым, но останавливать его не стоило: могло стать только хуже.

— Вставай, кретин! — Шварц разбушевался окончательно и сильно приложил Башмака по голове. — Вставай, выпьем!

Тот поднял голову со сложенных на столе рук, размял лицо маленькими ладошками, взялся за бокал, пытаясь удержать свои глаза открытыми.

Хозяин комнатушки перестал себя контролировать и, махнув рукой в нашу сторону, опрокинул очередную рюмку в себя. Потом ещё одну. И ещё. Шварц не делал никаких перерывов, продолжая вливать в себя остатки клюквенной настойки и водки.

Башмак долго рассматривал содержимое посуды, из последних сил удерживая глаза открытыми, а потом, произнеся что-то невнятно, быстро выпил и вновь оказался лицом на столе.

— Что ты сейчас сказал? — я подумал, что ослышался. Знакомая до жути фраза откуда-то из прошлой жизни резанула слух.

Он чмокнул губами, словно маленький ребёнок, и проигнорировал вопрос. Пришлось растолкать его и ещё раз повторить свою фразу. Башмак вновь открыл глаза и, недовольно глянув на меня, пробубнил:

— Да, теперь решено. Без возврата. Это стихи, придурок. Отстань.

— Где ты их услышал? Читать начал, что ли?

Башмак вновь не отвечал. Шварц с невозмутимым видом лил остатки настойки в пивной бокал. Я уже отчаялся услышать ответ, но Бэтмен подал голос:

— Два тура уже заряжаем на стадионе. На игре с «Шинником» всем парням выдали бумажки с текстом, мы и пели. Тема прикольная, многим нравится. Есенин вроде... Или Блок.

Мои воспоминания прервал Шварц, шумевший всё больше. Он уже не понимал, что происходит. Уничтожив остатки настойки — он добил их прямо из бутылки, — Шварц закашлялся и запил всё это водкой. Заметив расширяющиеся от удивления глаза Бэтмена, я едва сдержал в себе смех.

Последний стакан стал для Черныша неким подобием контрольного выстрела, после которого он блаженно откинулся на спинку стула, громко рыгнул и рухнул на пол, долбанувшись лбом о край стола. Пустые бутылки, оставленные хозяином комнаты на столе, тоскливо зазвенели, раскачиваясь и касаясь друг друга, но ни одна из них не упала.

Мы хохотали несколько минут, изо всех сил стараясь сдержаться, чтобы не разбудить соседей. У меня на глазах выступили слёзы, а Коля закашлялся в попытке задавить очередной приступ, но остановиться нам удалось лишь после того, как в дверь кто-то сильно ударил несколько раз.

— Успокоился наконец-таки, — с трудом проговорил Бэт. — Странно, Гриндор, вроде пили вы втроём, а не спишь только ты.

— Я много пропускал.

Мы вздохнули с облегчением. Неугомонный Черныш на время покинул нас, каждый мог заниматься чем угодно, не опасаясь внезапного буйства хозяина комнаты.

— Помнишь, каким он был раньше, когда не пил столько? — сказал Коля, смотря в экран телевизора. — Я его совсем сопляком знал.

— Это правда, — кивнул я. — Пару лет назад он выглядел и вел себя совсем по-другому.

Мне никто не ответил. Парни задумчиво глядели перед собой и молчали.

— Ладно, мужики, я спать. Койка сегодня, слава богу, свободна.

Ответом мне вновь послужила тишина, да едва слышное шуршание кнопок джойстиков.

Уже устроившись на кровати, я спросил:

— Бэт, ты чего так увлёкся этой хренью? В неё лет десять никто не играл! Не замечал я в тебе тяги к игрушкам.

Бэтмен поставил игру на паузу, положил джойстик на пол и повернулся ко мне:

— В детстве у нас с братом была точно такая же. Мы торчали вечерами около телека, рубились в «Танчики»... Не представляешь, целый день могли играть! Отец тогда ещё с нами жил, — Бэтмен помолчал несколько секунд, а затем продолжил: — Ностальгирую я. Тогда здорово всё было, лучше чем сейчас. Просто ностальгирую.

Про отца Бэта и его смерть я знал. А вот про брата слышать не приходилось:

— А сейчас он где? Братан твой.

— Где? Не знаю, — он повернулся обратно к экрану. — Последний раз его видели отправляющимся на выезд во Владивосток. Играли во Владивостоке.

4

ПОПРОЩАВШИСЬ с преподавателем музыки, Гриша торопливо схватил нотную тетрадь и запихал её в боковой кармашек чехла. Поднялся, взял гитару за гриф, бережно, но всё так же беспокойно убрал инструмент, резким движением руки чуть не оторвав собачку молнии. Худой мужчина в очках, одетый в тёмные брюки и клетчатую рубашку, наблюдал за своим учеником с явным неодобрением. Он не слишком любил, когда так обращались с инструментом:

— Григорий, в последнее время ты думаешь о чём-то другом, но точно не о музыке, — преподаватель покачал головой, заметив, как Гриша чуть не задел декой стоящую рядом высоченную колонку.

— Я... Извините, — мальчик попробовал сделать виноватое лицо, накидывая ветровку на плечи. — До свидания.

Мужчина лишь ещё раз покачал головой, но уже после того, как дверь захлопнулась.

Гриша, придерживая рукой болтающуюся за спиной гитару, быстрым шагом преодолел длинный коридор, чуть не сшиб какого-то ре-

бёнка, который рассматривал картины, висевшие на стене, и, извинившись больше перед самим собой, чем перед мальцом, вылетел на улицу.

Вызванное заранее такси ещё не приехало. Мальчик разочарованно поджал губы и, взглянув на часы, принялся мерить шагами небольшую площадку, расположившуюся перед входом в музыкальную школу. Мимо то и дело проходили знакомые ему ученики с родителями, вырывавшие своими приветствиями Гришу из размышлений.

Нарастающий гул автомобильного мотора сообщил о приближающейся машине. Мальчик обернулся — помнящая явно лучшие времена «семёрка» остановилась прямо перед входом, и Гриша, взяв инструмент в руки, расположился на заднем сиденье:

— Здравствуйте.

Водитель — пожилой толстый кавказец лет сорока — молча смотрел на своего пассажира.

— Ленина девять, подъезд второй, — сказал мальчик и отвернулся к окну.

Машина резко сорвалась с места и помчалась по дороге.

Таксист не жалел автомобиля, «семёрка» частенько подскакивала на неровном асфальте, при этом жутко громыхая и скрежеща. Водитель, крепко вцепившийся в баранку, чуть слышно матерился сквозь зубы, поминая старые дороги и треклятых чиновников, не желающих их ремонтировать.

Уже около названного мальчиком адреса зазвонил телефон. Гриша взглянул на дисплей и радостно улыбнулся — это был долгожданный звонок.

— Привет!

— Здорово, здорово, — голос собеседника звучал очень тихо, разобрать, что он говорит, было довольно сложно. — Билеты не потерял? Всё на завтра в силе?

— А то, — Гриша ещё раз счастливо улыбнулся. — Во сколько автобус отъезжает?

Голос на несколько секунд затих, словно задумался о чём-то:

— Бас завтра в десять утра. Не опоздай только и билет не забудь. Завтра свидимся.

— Бас? В смысле, автобус, что ли? — удивленно переспросил Гриша, но в ответ услышал лишь частые гудки. Недоуменно нахмурившись, он расплатился с водителем и вышел из машины.

На четвёртый этаж мальчик поднялся бегом, перескакивая сразу через несколько ступенек. Выпрыгнув из кроссовок, Гриша прошёл через пустынную прихожую в свою комнату, бросил гитару на диван и принялся раздеваться, поглядывая в окно.

До начала сентября оставалось всего пару недель, и мальчик тихо загрустил, наблюдая за покачивающимися ветвями деревьев. Совсем скоро этой сочной зелёной листвы не будет, она иссохнет, потеряет всю свою живую красоту и горой обрушится на асфальт, чтобы через пару месяцев оказаться погребённой под несколькими метрами снега.

Впрочем, печальные мысли вскоре улетучились. Уже через пару минут Гриша не думал о надвигающихся холодах и предстоящей учёбе. Пододвинув к столу табуретку и взгромоздившись на неё, паренёк открыл крышку принтера, стоявшего на верхней полке. Внутри лежала тонкая бумажка, на которой стояла размазанная печать.

Быстро обернувшись, — как будто в доме кто-то был, — он с улыбкой рассматривал билет на автобус, с нежностью держа этот грязный кусок бумаги.

Завтра мечта должна была осуществиться — Гриша впервые ехал на футбол.

Дверной замок едва слышно щелкнул, открывающаяся дверь заскрипела. Мальчик быстро положил билет обратно, захлопнул крышку и, спрыгнув на пол, вышел из своей комнаты. Домой пришла бабушка.

— Привет, ба, — произнёс Гриша, принимая сумки. — Куда ходила?

Та неприязненно смерила внука взглядом:

— За кудыкины горы воровать помидоры! Сколько раз тебе говорить, не задавай таких вопросов! Иди занимайся, а то опять начнёшь дурака валять!

Понимая, что спорить бессмысленно, Гриша положил сумки на кухне и двинулся обратно в свою комнату.

Музыка, конечно, не шла.

Гриша без устали думал об одном и том же, ноты постоянно вылетали из головы, а порой он настолько увлекался мечтаниями, что инструмент замолкал на несколько минут.

Бабушка пару раз подозрительно заглядывала в комнату, проверяя, чем занимается внук, но вскоре это ей надоело, и мальчик вздохнул с облегчением. Занятия на инструменте за лето наскучили ему, все чаще возникало желание похоронить гитару в шкафу под горой старой одежды и больше никогда не касаться пальцами тонких нейлоновых струн.

Отложив инструмент в сторону, Гриша печально вздохнул и в очередной раз стал смотреть в окно. Ему хотелось, чтобы время до завтра пролетело за одно мгновение, словно скучная часть фильма, который в любой момент можно перемотать.

Схватив одну из книг, лежащих рядом с диваном, мальчик улёгся на спину и принялся читать. Как же все это надоело, думалось Грише. Стихи, которые он так любил, тоже давались ему сейчас с большим трудом.

* * *

Мама пришла домой ближе к вечеру. Осторожно приоткрыла дверь, заглянула в комнату, улыбнулась, глядя на заснувшего мальчика. Маленькая книжка лежала у него на груди, уткнувшись уголком в подбородок.

Стараясь не разбудить сына, она осторожно подняла томик стихотворений и положила его на стол. Несмотря на то, что мама ступала по линолеуму очень осторожно, Гриша сначала заворочался, а затем, проснувшись, открыл глаза.

— Привет. Прости, что разбудила.

Мальчик размял руками лицо, поднялся и свесил с дивана ноги:

— Да ничего, а то высплюсь, ночью опять играть начну.

— На счёт играть... Сергей Анатольевич сегодня звонил. Сказал, что ты стал хуже заниматься, — мама села рядом с сыном на диван и внимательно посмотрела на него. — Ты же сам хотел хорошо научиться играть. Понимаешь, что если ты не будешь стараться — ничего не выйдет.

— Да знаю я, знаю, — Гриша продолжал тереть глаза. — Просто, мам, надоело уже. Каждый день одно и то же!

— А как же ты хотел. Так в каждом деле... Ты, кстати, завтра же на экскурсию едешь?

— Да, — Гриша напрягся, но старался не показать этого маме.

— Почему вообще экскурсию организовали летом, когда дети на каникулах?

Гриша покраснел, когда начал сбивчиво говорить:

— Ну, сейчас уже все вернулись, к школе готовятся и, вот, поэтому решили. Не знаю почему так, а не в сентябре, но я очень хочу поехать.

— Ладно. Хочешь — езжай. Посмотришь хотя бы на другие города, ты же никуда толком не выезжал.

Гриша вздохнул с облегчением — история про экскурсию вместе с одноклассниками сработала. Мама вышла из комнаты, а мальчик рухнул обратно на подушку, чувствуя, как колотится его сердце.

5

ДО НАЗНАЧЕННОГО МЕСТА мальчик добрался за считанные минуты. Он шёл очень быстро, иногда переходя от нетерпения на бег, и оказался на пустыре, за одним из супермаркетов, на полчаса раньше.

Ожидая своего товарища, с которым они познакомились и решили съездить на выездной матч в интернете, Гриша представлял, как пройдёт вся поездка до Ростова-на-Дону. Ребята, с которыми он там познакомится, станут ему настоящими и верными друзьями, которых у него никогда не было, и местные фанаты испугаются их. Пиная мелкий камушек, мальчик мечтал о том, как они будут петь на стадионе и гнать команду вперёд. А после игры, может быть, кто-нибудь из игроков подарит ему свою футболку...

— Привет, — раздался голос из-за спины. — Давно стоишь?

Гриша торопливо обернулся. За его спиной стоял худой парень с лицом, изъеденным оспой:

— Привет, Коля. Не очень.

— Ага. Ну чего? Идём?

— Идём, — кивнул, пытаясь сдержать улыбку, Гриша.

До вокзала, с которого отправлялся автобус, они дошли довольно скоро. Коля всю дорогу промолчал, сосредоточенно глядя себе под ноги, а Гриша не уставал фантазировать, воображая все новые и новые подробности их поездки. Он старался не улыбаться от радости предстоящего путешествия, но эмоции просились наружу, и его лицо не раз приобретало счастливо-глуповатое выражение.

Оказавшись возле скопища старых и одинаковых автобусов, ребята на пару минут потерялись, не зная в какую сторону им идти. Если бы не помощь пожилой кондукторши, указавшей им направление, то поиски могли продолжаться несколько часов. Мальчики поблагодарили её и двинулись к отдельно стоящему длинному автобусу.

Около него стояли несколько человек и курили. Высокие, коротко стриженные, они негромко перебрасывались фразочками, подав-

ляющая часть которых состояла из сплошного мата, и пили пиво, иногда посмеиваясь. Некоторые, покурив, уходили обратно в автобус, но на их место постоянно приходили другие.

Гриша с неприязнью посмотрел на сплёвывающих людей, вызывающих у него только страх и отвращение. Колени острой иглой уколола слабость, и он, прикладывая немалые усилия, старался успокоиться и заставить ноги не дрожать. Только сейчас, оказавшись рядом с этими людьми, в одном шаге от желанной поездки, которая ещё несколько минут назад должна была пройти именно так, как он представлял, Гриша понял, что перед ним новая, неизведанная и чужая дорога. И что его ждёт на ней — неизвестно.

Едва повернув голову, Гриша посмотрел на своего нового друга и увидел, что трусил он не один. Коля тоже застыл на полушаге, рассматривая длинное туловище автобуса и всех тех, кто стоял вокруг него, с растерянным выражением лица. Ему, по-видимому, тоже хотелось скомкать тонкую бумажку, именуемую билетом на этот автобус, развернуться и уйти отсюда, подальше от всего незнакомого и пугающего.

Приди сюда Гриша один, он непременно развернулся бы и двинулся домой, хмурясь от своего бессилия, обратно к бабушке, маме и так надоевшим ему урокам музыки. Но мальчишеская гордость сделала своё дело — он разозлился на себя, заметив, что Коля смотрит на него, и направился к автобусу. Коля поплёлся за ним.

К их счастью, курившие не обратили никакого внимания на мальчиков. Они молча протиснулись мимо водителя, сунув тому свои «билеты», и сели на свободные места в середине автобуса, стараясь слиться с грязными тёмными сиденьями. Проходившие мимо насмешливо посматривали на них, язвительно скалясь, а один, тощий, больше похожий на длинную палку с тоненькими руками и ногами, заметил:

— Совсем оборзели мелких пускать. Всю дорогу будут ныть, да мамочку звать, — посмеявшись над тем, что он сам сказал, парень нагнулся поближе к сидящему Грише. — Ты ведь не будешь звать мамочку, да?

Коля и Гриша растерянно посмотрели друг на друга, не зная, что ответить ему. Тонкий, увидев их испуг, засмеялся ещё громче и стал звать своих знакомых:

— Мужики, с нами вместе едет группа детского сада! Вы посмотрите...

— Ты чего, Макар, совсем охренел?! — раздался голос откуда-то из хвоста автобуса. — Жить надоело, урод?!

Выражение лица Макара резко изменилось. Он разом посерьёзнел, мгновенно согнав со своей физиономии глумливую ухмылку, и пробормотал:

— А чего я? Ты посмотри, какие сопляки едут...

— Ты в их возрасте на горшке сидел, а парни выезд пробивают! — к ним подошёл широкий парень, одетый в спортивный костюм. В одной руке у него оказалась бутылка пива, а другая была недвусмысленно сжата в кулак. — Исчезни отсюда!

Макар не заставил себя просить дважды и отправился «покурить», на прощанье бросив на отвернувшегося заступника злой взгляд.

— Чего тут сидите, молодёжь? Айда к нам, местечко найдётся! — обратился он к тихо сидящим мальчикам и, не дожидаясь их ответа, потопал обратно.

Коля вопросительно взглянул на Гришу, а тот уверенно кивнул и поднялся со своего места.

— А вот и они! Садитесь, ребята! Как зовут вас?

— Гриша.

— Коля.

— Приятно, господа-хулиганы. Вот этого головореза, — обидчик Макара, не выпуская пива из рук, представлял своих друзей, — называют Фрицем. Тот заморыш — Бабка. Ну, а меня кличут Шварцем. Или просто Чернышом. Тут уже кому как нравится.

Гриша кивнул, стараясь улыбаться. Несмотря на дружелюбие этого Шварца, страх никуда не делся.

* * *

АВТОБУС ЕХАЛ целые сутки. Примерно каждые два часа водитель останавливался, для того чтобы желающие могли размять ноги или прогуляться до ближайшего леса. Внутри ни на секунду не утихал гвалт — даже после того, как стемнело, пассажиры продолжали петь, кричать, раскачивать автобус, пить и ссориться между собой. За все время до Ростова-на-Дону водителю приходилось четыре раза делать внеплановую остановку из-за пьяных дерущихся. У остальных пассажиров подобные происшествия вызывали лишь дикий восторг, помощи от них ждать не приходилось — бойцов начинали

подбадривать, аплодировать и кидать их друг на друга в случае заминки.

Водитель несколько раз просил толпу вести себя потише, пугая их тем, что он остановится на обочине и дальше не поедет, но, едва увернувшись от брошенной в него бутылки из-под пива, вернулся за руль и больше разговаривать с «придурками» не пытался, видимо, желая как можно скорее добраться до треклятого Ростова и больше никогда не связываться с фанатскими организациями.

Гриша, который тоже видел подобное впервые, долгое время не мог привыкнуть к этому сумасшествию. Особенно он испугался, когда случилась первая драка из-за не поделенной бутылки пива. Шварц, заметив, как он напрягся, шлепнул его по плечу и громко, перекрывая мгновенно усилившийся шум, проговорил:

— Бояться никогда нельзя. Это самое главное. Если ты получил по лицу, это не поражение. Но вот открыто трусить или убежать от драки — это позор для настоящего фаната, который означает полный проигрыш.

Гриша только кивнул, продолжая напряженно следить за тем, как тот самый Макар, прижатый к грязному полу, ловил своей головой один за одним жёсткие удары более крепкого парня, сидевшего сверху. В узком проходе было слишком тесно, чем с лихвой воспользовался так и не давший сопернику подняться победитель.

В середине дня Гриша сдался, не вынеся постоянных нападок Шварца и его товарищей, и выпил несколько бутылок пива. После них ему стало гораздо веселее, окружавшие его люди больше не казались такими страшными и чужими, в какой-то момент они стали для него даже родными, но вскоре эффект прошёл, и ему стало ещё тяжелее. Коля, напившись коктейлей, валялся на одном из сидений и тихонько посапывал. Гриша чувствовал себя одиноким и оторванным от дома, до которого было слишком далеко. Лишь дружеские похлопывания по плечу Шварца придавали уверенности и не давали ему совсем приуныть.

В Ростове они оказались поздним утром. До игры оставалась всего пара часов, и шумная толпа, мгновенно вывалившись из автобуса, сразу же направилась к стадиону. Гриша заметался из стороны в сторону, стараясь разобраться, куда и зачем все пошли, но Шварц жестом подозвал его и сказал идти вместе со всеми:

— На стадионе будем через часок. Сейчас до касс, возьмём билеты, а оттуда прямиком на трибуну. Вперёд, Гриндор!

— Почему это Гриндор, — тихо пробубнил Гриша, но Черныш его услышал.

— Потому что к имени твоему хорошо подходит. Или тебе не нравится?

— Да нет...

Шварц сильно хлопнул в ладоши:

— Вот и зашибись!

Коля, хмурый и недовольный всем светом, старался поспевать за толпой, морщась каждый раз, когда его попутчики начинали петь громче. Больше всего ему хотелось остаться в автобусе и спать там до самого вечера, когда вся орава должна была двинуться обратно.

Около касс их поджидало несколько местных фанатов. Гриша не обратил внимания на двадцать неприметно одетых человек, шустро вынырнувших из-за угла жилого дома и стремительно направившихся к ним, до того момента, как в него полетела пивная бутылка. Ошарашенный и испуганный, он смотрел, как те, кто стоял ближе к нападавшим, начали драться. Стоявшие позади него ринулись вперёд, ближе к противнику, и сшибли его с ног. Он пытался подняться, опираясь о грязный асфальт трясущимися руками, но с боков его постоянно толкали, не давая встать, а кто-то наступил ногой прямо на пальцы. Слыша крики и ругательства, звон разбитых бутылок, Гриша пугался все сильнее и сильнее, и этот страх забирал последние силы.

В какой-то момент всё закончилось. Подошедший откуда-то сбоку Шварц одним движением поднял его на ноги и дал полюбоваться внушительным фингалом под левым глазом:

— Ну что, Гриндор, как тебе первый бой?

Мальчик молчал, отряхиваясь и смотря по сторонам. Те, кто хотел драки, убегали в сторону дворов, а за ними неслось человек десять, не желающих так просто их отпускать.

— Ладно, пойдём, — Черныш дёрнул Гришу за плечо, увлекая прочь. — Быстрее дойдём до касс, не будем стоять в очереди. Пойдём, пойдём!

Ещё плохо соображая, мальчик поплёлся за ним, сторонясь лежащих и сидящих на асфальте. Не для всех эта стычка закончилась так просто, кому-то проломили голову, а один полноватый паренёк, немногим старше самого Гриши, шипел, корчась под ногами обступивших его:

— Суки, руку сломали!

Шварц даже не посмотрел в его сторону, мгновенно двинувшись дальше. Пожилая продавщица внимательно осмотрела Гришу, взглянула на билет, который собиралась отдать ему, и задумчиво нахмурилась:

— Молодой человек, на наш стадион можно только с шестнадцати лет или с сопровождением родителей. Покажите, пожалуйста, ваш паспорт.

Гриша который раз за день похолодел. Паспорта у него, конечно, не было.

— Девушка, это мой брат, мы вместе на футбол приехали, — оскалившись, вылез вперёд Шварц. Здоровый синяк портил всё впечатление, улыбающийся Черныш выглядел жутко, нежели приветливо. — Я ему, можно сказать, отец. Не зря же мы сюда столько ехали?

Женщина колебалась, переводя взгляд с Гриши на Шварца.

— Разве мы не похожи? Все говорят, мол, одно лицо!

— Похожи, похожи, — задумчиво бормотала кассирша, смотря на совершенно разных парней. — Ну...

— Девушка, вы так хорошо выглядите! Я точно знаю, такая красивая девушка не может быть злой!

Она усмехнулась и протянула Грише билет. В ту же минуту рядом с ними вырос Коля, затерявшийся во время стычки, и вопросительно взглянул на Черныша.

— А это мой второй брат! Мы всей семьей на футбол ездим...

После десяти минут споров и просьб продавщица всё-таки сдалась, отпустив билет и Коле. Собравшаяся за спинами неугомонных покупателей очередь начала ворчать, спрашивать, почему задержка, и женщина, решившая, что проще пропустить дурацкую семейку на стадион, взяла предложенные деньги.

Милиции на подходе к гостевым трибунам было много. Многих останавливали, проверяя документы. Мальчики старались держаться от людей в форме как можно дальше, но один из них все равно приметил двух малолетних ребят и направился к ним.

— Так, пацаны, быстро валим сейчас, — заговорил Шварц. — Я отвлекаю, вы бежите! Нельзя вам попадаться мусорам, закроют, пока предки ваши не приедут. Оно вам надо?

Доставая свой паспорт из внутреннего кармана, Черныш двинулся навстречу милиционеру, а ребята ломанулись вперёд. Мусор даже не посмотрел на него, сразу же бросившись за убегавшими Гришей и Колей.

Гриша бежал и чуть ли не плакал от страха. Он не мог и подумать, что когда-нибудь ему придётся бежать от милиции. Желание остановиться и послать этот футбол ко всем чертям росло в нём с каждой секундой.

— Держи его! — заорал бегущий за ним милиционер, вцепившись в Гришину руку. Коля убежал далеко вперёд. — Стой!

Гриша несколько раз дернулся, но, понимая, что взрослый мужчина гораздо сильнее его, обмяк и остановился. Милиционер начал что-то говорить в рацию, крепко держа его за руку. Вот и съездил, подумалось ему. От страха он соображал медленно и ещё не до конца осознал, что случилось.

Тихо подкравшийся со спины Шварц схватил Гришу за свободную руку и со всей силы дернул на себя. Милиционер ослабил хват, заметив, что малолетка не собирается никуда убегать, и это дало Грише дополнительные шансы. От боли у него потемнело в глазах, но он сумел устоять на ногах и понёсся вслед за Чернышом, не разбирая куда они бегут. Сзади матерился растерявшийся мент, не успевавший за ними.

С трудом протискиваясь сквозь плотную толпу, Шварц волочил Гришу за собой. Они все ближе подходили ко входу на трибуну, милиционер, гнавшийся за ними, окончательно потерялся из виду. Стюарды, проверяющие билеты, даже не посмотрели на юного болельщика, приехавшего издалека, и Гриша оказался на трибуне.

От шума, который царил здесь, у мальчика побежали мурашки по спине. Он с восхищением посмотрел на длинное зелёное поле, на котором разминались игроки, на противоположную трибуну, где местные фанаты обещали им ад. Подняв глаза чуть повыше, Гриша заметил, что на высоком заграждении, отделявшем гостевой сектор от хозяйского, уже висят красно-синие флаги. Шварц, видя, как у пацана отвисает челюсть, похлопал его по плечу и сказал:

— Это настоящий наркотик, Грин. Сюда хочется возвращаться снова и снова.

— Шварц, спасибо тебе огромное! Если бы не ты, я бы здесь не оказался.

— Не за что, дружище. Пойдём искать куда бы присесть. А товарищ-то твой как летает! Будет у нас зваться Бэтменом! Раз — и исчез!

Гриндор с восторгом поднимался по ступенькам, понимая, что у него, наконец-то, появился настоящий друг.

6

КОГДА Я ПРОСНУЛСЯ, солнце уже вовсю заглядывало в нашу комнату сквозь грязное стекло. Светящиеся цифры на дисплее мобильника неприятно кольнули меня: время близилось к полудню. Собака отправлялась через полтора часа, а мы ещё не собирались.

Оглядевшись, я удивленно хмыкнул. В комнате, вместе со мной, оставались лишь Шварц и Башмак, лежащие на тех местах, где они и заснули. Бэтмен с Колей куда-то свинтили.

Я поднялся с кровати, двинулся в сторону ванной. Куда их чёрт понёс? Умывшись ледяной водой, сумевшей прогнать сонливость и остатки воспоминаний, терзавших меня половину ночи, я вновь достал телефон. Набрал номер Бэта, послушал долгие гудки. Недовольно сопя, убрал трубку обратно.

— Чёрт, — я помассировал ноющие виски. — Чёрт знает что!

Уже двинувшись будить Черныша с Башмаком, я услышал щелчок замка в прихожей и решил не торопиться. Приоткрыв дверь, выглянул из комнаты и увидел пропавших друзей. В руке у каждого из них красовалось по пакету известного в городе магазина.

— Ну и? — поинтересовался.

— Что «ну и»? — ответил вопросом на вопрос Бэт. — В магазин ходили. И в аптеку заглянули.

В ответ я покачал головой:

— По пути на собаку не могли заглянуть? Время видел?

— Не капай на мозги! — раздражённо бросил Бэт. — Времени ещё полно, нам же было нечем заняться. Спать на полу — не для нас, а ты развалился на всю кровать — хрен сдвинешь! Вот и решили сходить. Эти проснулись?

Мы зашли в комнату.

— Угу, блин, проснулись. Деньги хоть где взяли?

— У Шварца лежали на полке. Мы решили, что в день главного матча сезона надо быть щедрее.

Я улыбнулся, представляя реакцию Черныша:

— Ты камикадзе. Блин, если у него лавэ столько припрятано, на кой хрен мы вообще с этим телефоном рожали? Могли просто по его сусекам поскрести...

Оба проснулись довольно быстро. Коля поставил на стол упаковку «Алка-зельтцера», мгновенно распотрошенную Башмаком, и отправился умываться в ванную. Шварц от таблеток отказался и потребовал себе холодного пива, которое в ту же минуту ему дал Коля. Пока Шварц прихлёбывал ледяное пиво и довольно жмурился, наивно полагая, что всё это куплено за чужие деньги, я завтракал, кусая невкусную жёсткую булку.

— Что у тебя там ещё? — поинтересовался я.

Тот улыбнулся и, заглянув в пакет, перечислил:

— Перекись сразу взял на вечер, два батона с майонезом, три литра пива, бутылка настойки. Идеальный набор.

Шварц, услышав про алкоголь, буквально засветился от счастья. Похоже, вчерашнего ему оказалось мало... Его главный собутыльник этого мнения не разделял и, отойдя к окну, дрожащими с похмелья руками пытался засыпать в рот необходимую для настроения дозу серых шариков.

Из дома мы вышли через полчаса. Двор, окружённый со всех сторон старыми пятиэтажками, встретил нас тишиной и грязью.

Воскресное утро выдалось солнечным и непривычно для ноября тёплым. Вчерашние страхи оказались напрасными: ветер не одолевал своими порывами, солнышко, ощутимо припекая, заставило нас раздеваться.

Я расстегнул куртку, снял шарф с шеи и затянул его на предплечье. Почти все последовали моему примеру, лишь Шварц оставил розу именно там, где ей полагается быть. Он двигался медленнее остальных и более всего напоминал нахохлившегося воробья, вынужденного пережидать непогоду на улице. Судя по бусинкам пота на его лице и дрожи, бьющей беднягу изнутри, можно было сделать вывод — Чернышу очень плохо. Пиво помогло ненадолго.

Выбравшись из двора, мы двинулись по знакомому маршруту: вдоль широкой дороги, по направлению к вокзалу. Народу было куда больше, нежели вчера, то и дело приходилось пропускать вперёд излишне спешащих граждан. Многие, приметив шарфы, провожали нас взглядами. Здешние обыватели имели представление о фанатах, местный хоккейный клуб нередко собирает внушительную группу болельщиков.

Когда до вокзала оставалось идти всего пару минут, состоялась первая встреча.

Они шли параллельно, нас разделяла только дорога, с несущимися потоками автомобилей. У одного был флаг, сейчас повязанный на спину, у остальных по красно-белому шарфу.

Мы первыми заметили, что не одни. Бэтмен негромко свистнул, привлекая внимание осталь-

ных, и мотнул головой в сторону оппонентов, затем приложил указательный палец к губам, показывая, что стоит молчать. Башмак не продержался и минуты. Мило улыбаясь, он громко засвистел, привлекая их внимание, а затем помахал своей ладошкой, после чего, не переставая скалиться (уже — именно скалиться), многообещающе провёл большим пальцем по горлу.

Бэтмен дёрнул Башмака за плечо, грубо попросил паренька успокоиться. Шварцу, казалось, вообще плевать на них, он просто тяжело вздыхал, недовольно косился на нас и старался не отставать. Коля молчал, лицо его оставалось равнодушным, лишь взгляд стал жестоким и холодным. Он частенько бросал взгляд на шедших неподалёку противников, щурил глаза, чуть заметно поддёргивал пальцами, порой шевеля губами, но, к своей чести, вёл себя достойно в этой ситуации — продолжал идти молча.

Хрюшки, похоже, очень скучали по дерби: приметив нас, они принялись разминать глотки перед игрой.

— Бэт, сам не дуркуй и смотри, чтобы наши хренью не страдали, — напомнил я. — У нас сегодня почти наверняка будет шанс.

— Вы о чём, парни? — повернул голову идущий впереди нас Башмак.

— Позже, — пообещал я, перепрыгивая через лужу. — Позже мы тебе всё расскажем.

— Может ответим, а? — не унимался Башмак.

Я цокнул языком и покачал головой:

— Оно тебе надо? На матче наорёшься. Там твой голос поважнее будет, там орать надо и команду вперёд гнать, а здесь... Толку-то? Тем более через дорогу, которую сейчас никак не обойдёшь.

Башмак ничего не ответил, лишь зашагал чуть быстрее. Было заметно, насколько сильно ему хочется высказаться этим уродам в лицо.

Ублюдки решили, что молчим мы исключительно из-за страха, и завелись ещё больше. Поймавшие кураж, надрывающие глотки посреди улицы, они больше походили на безумных обезьян:

— ЦСКА – команда ублюдков!

— Орать друг на друга без угрозы физического насилия — всё равно что заниматься сексом по телефону, — произнёс явно услышанную где-то фразу Бэтмен. — Вроде бы движение есть, а толку ноль. Если вы, конечно, не на стадионе...

Уже на самом вокзале Шварц не удержался. Наверное, ему внезапно стало лучше, иначе как объяснить его громкий низкий крик, заглушивший на мгновенье гул приближающегося электропоезда:

— Никчёмная команда раба!

Даже издалека было заметно, как перекосились их лица от ярости. Поступок Шварца, снова начавшего мучиться, вызвал восторг Башмака, захлопавшего от счастья в ладоши, и серьёзно взбесил меня. Без этой «реплики» мы выглядели бы куда достойнее.

Раздвижные двери оказались прямо перед моим лицом. Зашумел выпускаемый воздух, и створки, избавившись от лишнего давления, приглашающе разъехались в стороны. Не мешкая ни секунды, мы запрыгнули в вагон и уже в тамбуре наткнулись на знакомые лица.

Двое парней — одному лет двадцать, другому чуть поменьше, стояли, облокотившись на электрический щит, и молча курили. Тот, что стоял поближе, заметив нас, улыбнулся и приветливо кивнул, товарищ его как ни в чём не бывало продолжил пялиться в окно, полностью проигнорировав наше приветствие.

Вагон оказался заполнен наполовину. Человек пятьдесят или чуть больше расположились на сиденьях, ещё несколько стояли в дальнем от нас тамбуре. Почти все из них улыбались и громко разговаривали — атмосфера футбольного праздника раскрепощала, сближала людей. Особняком стояла лишь небольшая группка ребят, усевшихся в самом конце вагона.

У многих в руках было пиво, а парочка компаний употребляла гораздо более крепкое пойло. Я лишь хмыкнул, да покачал головой: каждый матч едут любители чего покрепче, до стадиона, правда, обычно не добираются. Либо остаются спать на вокзале, либо попадаются к мусорам на первом же шмоне перед игрой.

Мы отвечали на приветствия, жали предплечья, как это полагалось у фанатов, и улыбались в ответ на похлопывания по плечам. Мы все рады друг друга видеть, мы все одна большая, хоть и не очень знакомая между собой, семья.

— Смотри, Грин, основа Горьковки сидит, — сказал Бэтмен, указывая на парней в конце вагона. — Лучшие бойцы в нашей области. С ними как за каменной стеной.

— Не стеклянные! — прогудел Шварц, беспокойно суча ногами.

— Сами отмахаемся, если надо! Колян, давай не тормози!

Всем было понятно, чего хочет неугомонный персонаж, скрасивший нам ночь. Бэтмен печально вздохнул, а Коля отдал Шварцу пакет с

припасами. Тот, тихонько крякнув, явил миру бутылку настойки и несколько пластиковых стаканов. Обвёл нас глазами в поисках напарника. Восхищаясь его здоровьем, я покачал головой — очередную дозу алкоголя я бы просто не вынес.

Через пару минут Шварц, Башмак и их новый собутыльник Фриц оккупировали бутылку и принялись её уничтожать. С утра сил у ребят было полно, поэтому через пару станций настойка приказала долго жить. Парни ничуть не расстроились, в их распоряжении оставалось пиво.

Бэтмен после бессонно проведённой ночи чувствовал себя не очень хорошо. Это было заметно по мутному взгляду и замедленной реакции, тихому голосу и уставшему тону. Он продержался минут пятнадцать, а затем, устроившись затылком на мягкой спинке сиденья, незаметно для всех задремал.

Выспаться ночью мне так и не удалось, скрипучая неудобная кровать вкупе с разговорами играющих и назойливостью воспоминаний сделали своё дело. Я долго не мог заснуть, а потом провалился в беспокойную дремоту, частенько просыпался и по несколько минут с ненавистью глазел в потолок, слушая сокрушительный храп Шварца.

Умиротворённое лицо мирно посапывающего Бэта помогло принять окончательное решение: сложив руки у живота и наклонившись вперёд, я закрыл глаза.

Проснулся я около Новогиреево. Точнее — меня разбудили.

— Вздёрну! Убью сук! — нажравшийся Шварц орал, потрясая кулаками.

Наш буйный товарищ пробудил не только меня: Бэтмен открыл глаза и недовольно оглядывал пьяного Черныша. Тот собирался рвать на себе рубаху, доказывая всем, насколько умело он привык разделываться с неприятелем:

— Мне бы только до них добраться!

Видимо, его визг слишком давно не прекращался: взгляды половины вагона были направлены именно на нашу компанию. Даже Башмаку надоели выкрутасы Шварца, и теперь он пытался успокоить своего лучшего друга:

— Закрой ты пасть свою, придурок!

Толку из этого не было никакого, пьяный идиот распалялся всё больше. Боковым зрением я заметил, что один из Горьковки поднимается и идёт к нам. В голове зазвенел тревожный звоночек, но делать что-либо было поздно.

Высокий худощавый парень с шрамом на щеке и холодным, цепким взглядом неспешно подошёл ко мне и, чуть наклонившись, сказал негромко и спокойно в самое ухо:

— Успокойте своего друга, иначе мы его покрошим. До футбола тогда он точно не доедет, — после он вопросительно посмотрел на меня и, дождавшись утвердительного кивка, двинулся обратно.

Все взоры обратились на меня, ожидая пояснений, лишь Шварц продолжал что-то бубнить.

— Заткнись, идиот! Мало того что выглядишь как кретин, так ещё и нас позоришь! — не выдержал я.

— Грин, ты чё? — Шварц оторвался от Фрица и зло посмотрел на меня. — Чего буровишь?!

— Если ты сейчас не заткнёшься, дурак, то эти парни, — я кивнул в сторону основы, — поимеют тебя прямо здесь. И никто за тебя не встанет, потому что они будут правы! Шварц, сука, сколько можно?!

Шварц несколько секунд просидел молча, видимо, обдумывал мои слова, а потом с трудом поднялся на ноги, протиснулся мимо нас, перепачкав всем кроссовки, и отправился в сторону тамбура.

— Идиот, ты куда? — удивлённо воскликнул Бэтмен.

Не поворачивая к нам головы, пошатывающийся Шварц послал нас куда подальше и заявил, что поедет один:

— Вы не кони, вы хуже свиней! Я вас ещё в свой дом пустил! — прокричал он, прежде чем перейти в другой вагон. — А ты, Гриндор, вообще!..

— Вот придурок-то, а, — сокрушенно покачал головой Коля, с некоторой долей удивления следивший за тем, как Шварц перешёл в другой вагон.

Дерби начиналось отвратительно. И нам оставалось надеяться, что на этом наши неприятности закончатся.

7

ВЕСЕЛЬЕ МОГЛО начаться сразу по прибытии на вокзал. Свиньи ехали в первом вагоне, всего в паре десятков метрах от нас, и теперь мы напряженно следили за их спинами, быстро уходящими в сторону метро. Они в любой момент могли развернуться и броситься обратно — подобное уже случалось. Но, к нашему счастью, превосходящие силы соперника все так же стремительно и молча спустились в темную подземку.

— Грин, а чего они убежали так быстро? — Коля был на дерби в первый раз. Многие вещи оставались для него непонятными.

Я улыбнулся и ответил:

— На вокзале драться мало удовольствия. Вокруг полно мешающегося народу, да и перед игрой здесь полно космонавтов, — видя его непонимающий взгляд, я кивнул в сторону омоновца, стоявшего на платформе. — Разойтись толком здесь не дадут, просто все вместе получим от мусоров.

Но небольшая стычка все-таки произошла. Проходя мимо палатки, в которой продавалось пиво, мы заметили двух свиней, которые недовольно косились на нас, разговаривая между собой. На шеях у них красовались яркие шарфы, выкрашенные в красно-белые цвета, которые сразу же привлекли наше внимание. Они громко беседовали между собой, явно стараясь, чтобы их услышали.

— Чего ты хочешь от коней? Трусливые педики!

— Ага... Чего пялишься, урод?!

Подлетев к ближнему, я с удовольствием щелкнул ему прямо под нос. Тот от «трусливых педиков» ничего подобного не ожидал, поэтому плюхнулся задницей на мокрый и грязный асфальт, выпучив глаза. Второй ничем не мог помочь своему товарищу: на него налетели сразу двое и влепили несколько зуботычин, после чего стянули с изумлённого идиота шарф.

Коля разошёлся не на шутку и уже собирался пустить сидящего на земле под ноги, но ребята вовремя оттащили пятнадцатилетнего паренька. Ещё не время, в любую секунду могли появиться свиньи или мусора.

Двое обалдевших бедолаг так и не двинулись с места: один сидел на холодном асфальте, прижав руку к губам, другой ухватился за столб и ошарашенно таращился в нашу сторону. Ничего, пойдет только на пользу. В следующий раз будут думать башкой и не орать на всю улицу.

Свободно проходя через турникеты, — всех болельщиков и фанатов в день матча пропускают бесплатно — мы вертели головой, опасаясь свиней, очень любящих выпрыгивать откуда-нибудь из-за угла. Здесь уже ясно и сильно чувствовалась атмосфера дерби. Несколько десятков мусоров и космонавтов провожают нас пытливыми взглядами, иногда бросая в спину что-то вроде: «Вот тупые дебилы», обычные пассажиры, которым не посчастливилось оказаться рядом с нами, пытаются, ежесекундно чертыхаясь, скорее уйти как можно дальше.

Двадцать минут в душном забитом вагоне. Напротив меня встал мужик, от которого несло перегаром похлеще, чем от Шварца, пьющего пару недель. Он недовольно сопел и косился на цветастые флаги и шарфы, коими был со всех сторон окружен. От раздражения его оплывшая морда раскраснелась ещё больше, а в глазах появилась настоящая ярость. Он считал себя умнее и лучше, принимая нас за сумасшедших придурков.

Он заметил, что я смотрю на него, и поднял взгляд. Три секунды мы смотрели друг на друга, а потом он отвёл глаза и что-то буркнул себе под нос. Несколько лет назад, до моего первого появления на фанатской трибуне, я не мог смотреть человеку в глаза, чувствовал себя при этом не комфортно, считал это проявлением неуважения.

— Как думаешь, где сейчас Шварц? — Башмак вырвал меня из раздумий.

В ответ я пожал плечами:

— Кто его знает. Это уже не первый раз. Помнится, после игры с «Зенитом» он так напился, что рухнул в лужу и, кувыркаясь в ней, обещал покрошить любого, кто к нему приблизится.

— И? — моего собеседника крайне заинтересовала эта история.

— Что? — улыбнулся. — Как ты думаешь, кому он нужен, тем более измазанный как чёрт. Повалялся, да заполз в собаку. Уже ближе к дому очухался.

Башмак хохотнул, представив себе эту картину, а потом вновь замолчал, тоскливо вглядываясь в темноту за окном. Наверное, думал, что и сейчас Шварц мог ползать в какой-нибудь грязной луже и проклинать недавних друзей.

— Может быть, стоило его удержать? — похоже, парню не давала покоя совесть.

— И каким же образом? — в разговор вступил прислушивающийся Бэтмен. — Ставлю тысячу, что хрен бы ты его обратно затащил.

Башмак только кивнул.

С кольцевой на красную. Мусоров не сосчитать: они стоят на каждом шагу, переговариваясь между собой и всё так же поглядывая на нас. Башмак обсуждал с Бэтменом какой-то неизвестный мне фильм про фанатов. Они громко смеялись, вспоминая забавные моменты из него, но я не собирался прислушиваться. Про болельщиков очень редко снимают интересное кино, тем более, если речь идет о нашем производстве.

Вообще, к средствам массовой культуры, пытающейся показать фанатов, стоит относиться

подозрительно. Фильмы и книги сделали своё дело, они с точностью до наоборот показали жизнь людей, живущих футболом. Из них сделали посмешищ, попробовали показать, что даже школьный учитель вполне может стать самым настоящим героем околофутбола, раздающим тумаки направо и налево, при этом выдавая высокопарные словечки. За те несколько лет, что я участвовал в фанатском движении, мне не приходилось встречать людей, занятых на высоких должностях, тем более интеллигентов. Почти все фанаты, с которым довелось пересечься, работали официантами, продавцами, грузчиками, лишь изредка мелкими клерками в какой-нибудь дыре. Настоящий фанат каждую неделю торчит на футболе, независимо от того, что за день недели на календаре, а ещё пару раз в месяц случаются выезды: тут уже можно пропасть на пару недель. Так о какой серьёзной работе можно говорить?

Уже ближе к станции «Спортивная» главное — сесть в нужный вагон. Есть большая вероятность оказаться окруженным рылами соперников, чего бы очень не хотелось ни одному из тех, кто носит красно-синий шарф.

Последние две станции вагон начинают раскачивать. Болельщиков, предвкушающих дерби, становится все больше, сторонних обывателей, наоборот. Над ухом смеется симпатичная девочка лет шестнадцати — она просто светится счастьем, вызванным скорым противостоянием двух заклятых врагов.

Широкая дорога от выхода из метро до стадиона разделена на две части: по правой движутся красно-белые, по левой — красно-синие. Между ними — кордон с оцеплением, не позволяющий людям убивать друг друга на подходе к футбольной арене.

То тут, то там стоят торгующие клубной атрибутикой лавочки, крошечные закусочные, сидят несколько бабушек, продающие семечки. Для того, чтобы попасть на стадион, необходимо миновать несколько кордонов, на дерби, обычно, их четыре. На каждом из них тебя окинут хмурым взглядом, обыщут, причём чаще всего довольно грубо, проверят билет и отправят дальше.

Мы приближались к первому заграждению.

— Бэт, — негромко поинтересовался я. — А как ты собрался перекись пронести? Придётся выкинуть.

— Хрен они её найдут, — усмехнулся он в ответ. — У меня кроссовки на два размера больше ноги. Я захреначил её прямиком под пальцы.

Быстрый, не особо жёсткий шмон, и мы идём дальше. Оскорбления и угрозы с соседней половины дороги начинали доставать. Больше всего бесило, что визжали, в основном, бабы и совсем мелкие щенки, осознающие свою безнаказанность. Хорошо хоть не было Шварца, скорее всего этот персонаж полез бы через заграждение навстречу неприятностям.

Нас обыскали ещё три раза. Перекись Бэтмена так и не нашли, а вот Башмака заставили выкинуть чёрную маску, припрятанную им на случай послематчевых разборок. Он сильно разозлился, но поделать ничего не смог.

Проверка билетов, заключительный беглый осмотр. Узкий коридор, в конце которого яркий свет прожекторов, освещающих стадион изнутри. В лицо бьёт свежий ветер, а до ушей доносится все нарастающий рев трибун.

Каждый раз, словно первый. Ощущения похожи на пробуждения от долгого сна — сердце начинает биться гораздо быстрее.

Время ожидания прошло.

Футбол здесь и сейчас.

С улыбкой на лице я поднимаюсь чуть повыше. На фанатском секторе никто не смотрит на билет, на номер ряда и сиденья, все садятся там, где удобно. Мы встаём над здоровенным барабаном. Подобная махина есть на каждом секторе, она задаёт ритм и не позволяет сбиваться ордам кричащих фанатов. Остается потерпеть всего пару минут.

8

ФУТБОЛИСТЫ, издалека похожие на крошечных игрушечных солдатиков, выбегают на разминку. Сначала выходит «Спартак».

Противоположная от нас трибуна взрывается криком восторга, они орут, аплодируют, машут флагами. С нашего сектора доносится гул и отдельные выкрики:

— Позор России!

— Не команда, а кусок говна!

Ребята старательно нас игнорируют и трусцой направляются в сторону своих почитателей. Похлопав своим поклонничкам, они принимаются за дело.

В это время появляются наши парни. Мы хлопаем им, а они нам. Мы любим друг друга. Мы нуждаемся друг в друге. Гул и свист со стороны свиней в такой момент безумно раздражает. Хочется залепить глотку каждому выродку, который мешает этому приветствию. Мы одна

семья — одна большая семья, и никто не сможет разлучить нас.

Время идёт, свободных мест на трибунах становится все меньше. Футболисты исчезают с поля, чтобы через пару минут вернуться, но уже в игровой форме.

Матч, если смотреть его с фанатского сектора, это всего лишь череда эмоций. Из-за ворот очень сложно разглядеть, что же там делают футболисты, кто отдал этот замечательный пас и как, вообще, только что забили гол? Можно лишь замечать основные события игры. Забили — радуйся, пропустили — плачь. Для того чтобы рассмотреть игру как следует, стоит платить немалые деньги.

Самое главное — следить за сеткой ворот. За столпотворением игроков в штрафной зоне ничего не видно, мяч метается где-то там, отскакивая в разные стороны, и лишь дёргающаяся сетка означает, что команда забила гол.

Стартовый свисток прозвучал. Игра началась.

Сразу же грянул гимн. Наш гимн. Несколько тысяч глоток дружно запели, стараясь перекричать противоположную трибуну. Пусть их в несколько раз больше, пусть диктор на стадионе за них, пусть комментаторы, ведущие этот матч по телевизору, скорее всего, тоже симпатизируют ненавидимой нами «народной команде», пусть! Главное, чтобы наши парни слышали нас, слышали, что мы рядом, что мы переживаем за них и поддерживаем. Узнавали тот гимн, который уже много лет звучит на стадионах, и бились за честь своего клуба, бились за наше имя, за нашу историю и традиции!

«Сплошной стеной идут фанаты в бой!»

Главное — самоотдача. Мы оставляем на трибунах свои нервы, свои голоса и ждём взаимности от футболистов. Только одного — полной самоотдачи! В таком случае команда обязательно будет выигрывать, мы — безумно радоваться!

«Вместе не страшна нам боль!
Вместе мы стремимся в бой!
Вместе будем мы всегда!»

Первыми пропустили мы.

Длинный свисток рефери и вытянутая рука. Пенальти. Половина трибуны разразилась матерными проклятиями, другая схватилась за головы. Игрок соперника подошёл к мячу.

Он разбегался невообразимо медленно.

Мяч сорвался с «точки» в мгновение ока и оказался в сетке.

Одно мгновение, и мы проигрываем.

Сумасшедший рёв на несколько мгновений сбил нас с толку. Они визжали от восторга так, что закружилась голова. Подобного рёва я не слышал никогда в своей жизни. Стадион дрожал, наша трибуна молчала, а диктор восторженно вопил: «Го-о-о-ол!!!». Три секунды замешательства, за которые нам стало стыдно. И с наших рядов, стоящих прямо на сиденьях, понеслось:

— Верим в команду!

* * *

2 : 2. Пять минут до финального свистка, который навсегда остановит эту игру.

— Давай, сука! — Башмак кричит из последних сил, его лицо искажается от напряжения. — Давай!

Бэтмен выглядит немногим лучше. Его лицо покраснело, на лбу вздулись вены, а в уголках губ виднеется слюна, срывающаяся вниз с каждым криком. Он показывает противоположной трибуне средний палец и продолжает кричать.

Голова раскалывается. Утихнувшая ночью мигрень вернулась и теперь вгрызается в мозг с новой силой. Мне непросто даже смотреть вперёд. Но я стараюсь ещё и кричать.

Восемьдесят девятый номер приближается к воротам. Он всё ближе и ближе к широченной семиметровой стойке, в которую ему надо вогнать кожаную сферу, между ним и заветной целью остаётся только вратарь... Удар...

Это счастье. Эйфория. Безумное чувство пробуждается во мне, завладевает всем телом и душой, вопль разрывает всё, что осталось от голосовых связок, заледеневшие и отбитые руки поднимаются вверх. Я обнимаюсь с незнакомым мужиком, мы словно дети, на глазах у которых совершилось чудо, мы прыгаем, кричим, девушка в соседнем ряду рыдает от счастья.

Победа в дерби!

Трибуна не перестаёт сходить с ума даже после финального свистка, возвестившего о победе Центрального Спортивного Клуба Армии! Футболисты совсем рядом, они подошли к трибуне, они аплодируют нам, машут, некоторые кланяются. Спасибо вам, мужики! Спасибо!

— Гриндор, урод, мы победили, сука, ты веришь?! — Бэтмен трясёт меня, словно пытаясь разбудить. — Мы победили!

Спазм, сдавивший горло, не дал мне ответить.

9

— ЭТО БЫЛО КРУТО! — после игры прошло два часа, но Башмак даже и не думал успокаиваться. — Это было просто здорово!

— Угомонись, — попросил Бэт. — Башка раскалывается.

Какой-то выродок попал ему бутылкой прямо в затылок. Бросок получился не очень сильным, но Бэтмен на десяток секунд вырубился и теперь беспрерывно хмурился, ощупывая здоровенную шишку. Он злился из-за того, что меткого урода догнать не получилось, но ничего поделать не мог.

Пока мы стояли на платформе, ожидая приезда собаки, нас окружили мусора, среди которых хватало космонавтов из ОМОНа. Они молча встали, отрезав нас от основной части перрона, и предусмотрительно достали тяжёлые резиновые дубинки — самые лучшие аргументы в споре.

Зачем это было сделано — неизвестно, ведь свиньи уже уехали полтора часа назад. Так или иначе, нам оставили только несколько вагонов, зажав на небольшом пятачке. Мы против этого не особо возражали.

Послышался гудок. К станции приближалась электричка, ослепительно сверкающая в темноте фарами. Толпа начала уплотняться, подбираясь все ближе и ближе к подъезжающей собаке, и нас с Бэтменом чуть было не столкнули на рельсы. Пришлось немного покричать, чтобы излишне активные попридержали силы.

— Шварц?! Твою мать! Что это? — послышался ошарашенный голос Бэтмена, когда мы оказались внутри электрички. Проследив его взгляд, я на несколько секунд застыл, пытаясь отойти от увиденного.

Пропавший по пути в Москву Черныш сидел у окна и пил пиво. Его нос посинел и смотрел теперь куда-то в сторону, бровь была скреплена скобами: сечка длиной в четыре сантиметра была готова вот-вот расползтись. Глазное яблоко почти вытекло, лишь всё те же скобы, стянувшие кожу у края глаза, мешали ему это сделать. Левая половина лица ободрана, будто его возили по асфальту.

— Это? — он пожевал разбитыми губами. — Это, дружочки, свиньи. В Новогиреево попался. Где-то полчаса месили. Хорошо хоть в аптеке подлатали.

Мы изумленно глядели на него и не знали, что ответить.

— Извини, друг, — Башмак сел рядом с пострадавшим и по-дружески обнял его. — Может быть, ты хочешь, чтобы я что-нибудь сделал?

Шварц смерил его недовольным взглядом, после чего улыбнулся и, сменив гнев на милость, ответил:

— Конечно хочу! Слетай-ка, купи мне пива!

Башмак на мгновение задумался, услышать он ожидал кое-что другое, но спустя мгновение бросился к выходу из вагона.

Через двадцать минут собака тронулась. Разгоряченные парни, окрыленные победой, не собирались успокаиваться и начали петь песни и громить вагон. Утихомирить их удалось лишь вмешательством десятерых человек, среди которых были и мы. Ребята немного обиделись, зато прекратили бросать вырванные сиденья в окно.

— Грин, до точки рандеву полчаса. Жим-жим? — Бэт начинал заводиться, и с его стороны начались дебильные вопросы.

— Ага, просто дрожу. Вообще, может, ещё и не будет ничего. Сам знаешь хрюшек, они только болтать и умеют.

— Блин, да о чём вы?! Всю игру загадочные, как хрен знает кто, теперь ещё! — Башмака достало, что он не понимает о чём разговор. — Бэт, ты мне обещал ещё по пути на матч объяснить в чём дело!

Башмак орал громко, несколько ребят повернули к нам головы. Дождавшись, пока они переключат своё внимание на что-нибудь другое, я сказал:

— Есть маза, что во Фрязево нас будут встречать хрюшки. Насколько мы знаем, их полтинник. Не ори, будь добр, иначе половина вагона разбежится кто куда.

Башмак задумчиво почесал затылок и поинтересовался:

— А это точно?

— Ты совсем баран или притворяешься? Ты нас только что слушал? Нет, не точно!

Башмак обиженно засопел и отвернулся к стеклу. Было явно заметно его недовольство из-за того, что мы не сказали ему сразу.

— Кони! Мясо во Фрязево! — какой-то невзрачный паренёк встал посередине вагона и громко говорил, обращаясь ко всем. — Отзвонился знакомый, мяса около сотни!

— Приехали, сотня, — без всякой грусти в голосе произнёс Коля.

Один из основы Горьковки, той самой, что ехали с нами на игру, поднялся и спокойно громко проговорил:

— Кто боится или не хочет, прошу! Уходите из четвёртого вагона и не позорьте цвета! Ну, а остальным — удачи и побед! Вперёд, гусары! — последние слова он прокричал.

— Колоть и резать! — хором ответил вагон.

— Вперёд, гусары!

— Колоть и резать! Колоть и резать!

Никто не двинулся с места.

Уже неподалёку от места, где нас ждали, было принято решение разделиться. Старшие парни и ребята из основы направлялись в первый вагон, откуда свиньи должны были начинать проверку всего состава. Основная же часть, в том числе и я, двинулась в четвёртый, мы должны были внезапно долбануть соперника в спину. План рискованный и неоднозначный, но деваться было некуда — числом нас превосходили, в обычной рубке почти не было шансов. Оставалось лишь надеяться, что старшаки выдержат основной удар.

Основные ребята, получив свою долю пожеланий и похлопываний по плечам, ушли из четвёртого вагона, а мы остались ждать. До нужной станции оставалось ехать около десяти минут.

В вагоне никого кроме фанатов не осталось, посторонние чувствовали, что скоро начнутся неприятности, и торопливо уходили дальше по составу.

Электричка начала торможение, и я выдохнул, несколько раз сжав кулаки. В тот момент, когда из динамиков донеслось Фрязево, все мы были готовы...

Двери разъехались в стороны, выпуская нашу ораву на платформу. Первый вагон уже был окружен толпой, из которой то и дело вылетали бутылки, разбивающие окна собаки. В пятидесяти метрах от нас раздавались крики, звон бьющегося стекла, звуки ударов о металл, угрозы и требования выйти. Судя по начавшемуся шуму, наши парни всё-таки появились в тамбуре и теперь пытались не дать войти туда свиньям.

Если не мы, всем, кто сейчас в первом вагоне, придётся несладко.

Семи секунд для того, чтобы построиться, хватило нам с лихвой. Я оказался во втором ряду, передо мной стоял низенький Башмак. Его била дрожь. Отвесив несильную затрещину, я поинтересовался:

— Чего дрожим, девонька?

Тот разозлился, послал меня куда подальше, но дрожать перестал. Я улыбнулся.

Эти несколько секунд перед сближением страх безраздельно царствовал в каждом из нас. Если человек не боится вообще, то он просто дурак. Страх — штука полезная, он напоминает тебе о ценности твоего существования, он может серьёзно помочь, но главное — уметь его подавлять в нужные моменты. Очень скоро пьянящий адреналин станет союзником и придаст скорости ударам.

Мы побежали.

Некоторые подхватили лежащие в собаке бутылки и уже на подходе к оппонентам бросили их. Я видел, как одна угодила в голову толстому мужику в красно-белом шарфе точно в висок, как он смешно рухнул на асфальт. Видел удивлённые лица свиней, недоумевающих, откуда появились мы.

Последние пару метров мы преодолели с дружным рёвом, желая напугать им врага и придать сил друг другу. Этот отчаянный крик помогал добить остатки страха.

В тот момент, когда ряды схлестнулись, свиньи уже начали пятиться.

Мой первый оппонент замешкался и получил сразу два удара в лицо, сделал шаг назад, оступился и встретил контрольный виском, после чего присел на колено, держась за голову, и огрёб от напирающих сзади. Парню не очень повезло, его пустили под ноги пять человек, после чего сбросили с платформы.

Драки не получилось, следующий соперник, стоящий прямо напротив меня, рванул назад, разрывая дистанцию. Свиньи открыто показывали спину, уносясь прочь. Они спрыгивали с платформы, уже оттуда пытаясь кидать в нас камни. Парочку затащили в электричку, ещё десяток оставался лежать на платформе, но большинство убегало всё дальше и дальше в сторону леса, расположенного рядом с платформой.

Из первого вагона уже вышли старшаки, и теперь мы, неуклюже спрыгивая с перрона, бежали по железнодорожным путям, надеясь поймать ещё пару идиотов, решивших избить нас сегодня.

Я бежал по шпалам, частенько влетая в лужи и забрызгивая джинсы бурыми брызгами. Рядом со мной пыхтел Коля, он, казалось, всё веселье проводил рядом со мной. Бэтмен побежал в другую сторону, Башмака я не видел с того момента, как мы вышли из собаки. Избитый Шварц вообще продолжил спокойно дремать в вагоне.

Одного нам догнать все-таки удалось. Высокий паренёк лет двадцати основательно запыхался и теперь стоял, облокотившись прямо на забор, через который ему предстояло лезть, и

пытался отдышаться. Как он не услышал наш топот — ума не приложу.

Коля опередил меня. Решив с ним долго не возиться, он просто подошёл к нему и со всей силы направил кулак незнакомцу в затылок. Тот трахнулся лбом о железный прут, вскрикнул что-то нечленораздельное, чуть наклонился и принял на себя целый град ударов. Приложив его пару раз кроссовками по рёбрам, я отошёл, благо Коля управлялся без меня. Он с особой жестокостью месил бедного паренька: сначала смотрел на того, выясняя, какую часть тела парень не защитил руками, и бил именно туда. Лежащий на земле сначала кричал, потом перешёл на стоны и начал плакать. Оттащить Колю было непросто.

— Пошли обратно. Видишь, все на платформе собираются, может, ещё чего интересного будет.

Коля пнул несчастного напоследок и, коротко угукнув, двинулся следом за мной.

Мы шли обратно всё тем же путём. Совсем стемнело, приходилось ступать аккуратно, чтобы не растянуться прямо на шпалах. Издалека доносились крики и угрозы, кто-то громко просил вызвать «скорую». Привычное, в общем-то, дело.

Я вновь задумался, и для меня стала неожиданностью тень, появившаяся словно из ниоткуда. Кто-то низенький и худой оказался прямо рядом с нами и бросился на Колю.

— Колян! — приходя в себя, успел крикнуть я.

Коля в предупреждениях не нуждался. Он встретил незнакомца точным ударом в голову. Тот не ожидал ничего подобного и рухнул прямо на шпалы, а Коля, нависнув над неожиданным подарком, принялся обрабатывать его ногами, грязно при этом ругаясь.

Я подошёл чуть ближе и обмер. На рельсах лежала молоденькая девчонка. Рыжие волосы, тоненькое бледное личико... Она что тут вообще делает?! Я обрёл дар речи в тот момент, когда Коля взял её голову и стал проверять на прочность рельсу.

— Коля! Ты что делаешь, идиот?!

Паренёк от неожиданности выпустил голову девчонки из рук, ошарашенно посмотрел на меня, спросил:

— Грин, ты чё? Она мясная!

Я покачал головой:

— Иди на платформу! Там сейчас веселее. Иди давай!

Коля, ничего не ответив, кивнул и направился в сторону стоящей электрички. Сложно представить, какой сумбур сейчас там творится. Люди, спешащие домой, не могут уехать из-за десятка сорванных стоп-кранов, они вызывают милицию, пытаются докричаться до машиниста, а тот только пожимает плечами, признавая своё бессилие.

Я наклонился к девчонке. Она, казалось, потеряла сознание, потому что лежала молча, не шевелясь и закрыв глаза. Я осторожно коснулся её головы, желая проверить, не проломил ли её усердный Коля. Какая крохотная и милая. Откуда она вообще здесь?

Моя заботливость не осталась без внимания. Не очень сильный, но всё же неприятный крепенький удар нашёл мою челюсть. Девушка, со злостью смотря на меня, отползала дальше и дальше.

— Ты чего, дура, делаешь? — я изумлённо приложил ладонь к щеке.

— Конь сраный. Ненавижу вас, уроды! Девушку бить только и можете!

От неожиданности происходящего и от её наглости я поперхнулся.

— Ты чего, дорогая, совсем охренела? Тебя бы никто пальцем не тронул, если бы ты на нас не кинулась! Да мне бы могла спасибо сказать!

— Значит, изнасиловать хотел!

Я возмущенно посмотрел на неё, но так и не нашёл достойного ответа.

— У меня от вас, коней долбаных, всё лицо в шрамах, — она продолжала говорить, похоже, уже не слушая меня, а затем неожиданно расплакалась.

Я смотрел на неё, пару минут назад такую воинственную, а теперь жалкую. И глупую. Беспросветно глупую.

— Спасибо... конь, — сказала она после долгой паузы и, развернувшись, двинулась в противоположную от платформы сторону.

Посмотрев ещё немного ей вслед, я покачал головой. И что это на Колю нашло? Тяги к избиванию худеньких девочек раньше у него не наблюдалось. Желания возникали совсем противоположные.

До платформы пришлось идти минут пять. Теперь, когда всё это закончилось, время текло медленно, и я успел немного продрогнуть, ступая по шпалам и вспоминая таинственную незнакомку. Нет, ну надо же... Изнасиловать, блин, хотел. Вот зараза...

Подтянувшись и окончательно испачкав джинсы, я оказался на платформе. Здесь, в отличие от путей, ещё ничего не кончилось.

Одному из свиней так и не удалось далеко уползти. Теперь его держал Башмак, у которого

под глазом красовался внушительный фингал, и Коля, а Шварц всё сильнее затягивал розу на шее здорового парня.

— Тебе очень идёт, ублюдок, — спокойно, с улыбкой говорил Шварц.

Тот уже окончательно покраснел, в попытке хлебнуть немного воздуха он открывал рот и хрипел. Ребятам нравилось это занятие, Шварц периодически чуть отпускал шарф, чтобы несчастный не потерял сознание.

— Что вы делаете, тупые ублюдки?

— Ничего, Грин. Иди лучше отсюда. Ты уже показал, как относишься к нашему делу, — всё так же спокойно проговорил Шварц. — Отпустив ту мясную шлюху, ты всё нам показал.

— Совсем кретин? Это совсем другое!

В разговор вступил молчавший до этого Коля:

— Гриндор, лучше правда иди в собаку. Нам ты сейчас ничего не докажешь, а вот беда ещё может произойти.

— Идиоты, — со злостью бросил я и зашёл внутрь электрички, наблюдая, как тот, кого душили шарфом, всё-таки потерял сознание.

10

ЗВОНОК БЭТМЕНА не стал неожиданностью. Я догадывался, что рано или поздно, после того, как они осознают серьёзность моего решения, начнутся звонки, сообщения, предложения встретиться, попить пива или просто прогуляться по единственному в нашем городе полузаброшенному парку. Я был готов к этому и идти на попятную не собирался.

— Ну и? — спросил я, подняв трубку.

— Как насчёт?

— Не знаю, — я говорил честно. — Сейчас почти на нуле.

— А я угощу.

— Тогда где?

Бэтмен на пару мгновений задумался, а затем ответил:

— Баварское пиво. Знаешь такое местечко?

— Ещё бы не знать, я тебя оттуда домой пьяного пёр. Через полчаса.

— Давай.

После этого короткого диалога во мне затеплилась надежда. Может быть, он не будет доставать меня своими уговорами? Просто попьем пива, как обычные друзья, вспомним прошедшие годы и разойдёмся на этой мажорной ноте.

Через час мы уже сидели в небольшом кабачке, расположенном на окраине города. Народа было не очень много, лишь пара крепких мужиков, которые работали на местном заводе, пили водку за крайним столом. Здесь собирался именно такой рабочий люд, одетый в спортивные костюмы и забегающий порой махнуть пару рюмок после смены. Подобные были мне симпатичны, они, в большинстве своём, не выпендривались, вели себя культурно, лишь иногда, основательно перебрав, позволяли себе маленькие шалости, вроде драки или приставания к чужим жёнам.

Мы взяли себе пару бутылок пива и горсть фисташек. Первые двадцать минут почти не разговаривали, спокойно дули холодное пивко, наслаждались солёными орехами и атмосферой заведения.

— Ну, так что? Решил твёрдо? — Бэтмен отложил в сторону пустой бокал.

— Да. Можешь даже не пытаться отговорить меня.

— Я так до конца и не понял, что стряслось? Всё же было нормально! Типичное дерби!

— Может, и типичное, — я пожал плечами. — У меня на глазах до этой игры не били людей до полусмерти. Не душили шарфом. Ты знаешь, я всегда был уверен, что среди нас есть фанаты, а есть глупая шпана, которая просто выплёскивает гнев.

— Да всегда такое было! Чему ты удивляешься-то?!

— Не всегда. В последнее время это случается все чаще и чаще. За один только матч столько дерьма не бывало никогда.

Я старался говорить спокойно, но эмоции постепенно брали верх. Из меня выливалось всё то, что накопилось за последнее время. Я не мог сдерживаться, мне хотелось говорить громче, говорить с матом:

— Мы фанаты! Наш принцип — fair play! Мы не калечим друг друга! — передразнивая, продолжал. — Я всё это слышал тысячи раз, пару миллионов раз я говорил это сам, но это не так, неужели ты сам не понимаешь? Коля, который всегда мне казался правильным пацаном, месит тёлку ногами, прикладывает башкой об рельсы! Это нормально? Вы со Шварцем прыгаете на голове у придурка со сломанной ногой, пока я оттаскиваю Колю от этой дуры, потом душите ещё одного! У тебя пропал брат, Николай, — я перешёл на шёпот и первый раз за последний год называл его по имени. — Он ехал на футбол и, возможно, кончил так же. После этого ты спокойно добиваешь покалеченного парня, который, может быть, и сейчас лежит в этой сраной канаве. На кой чёрт все это вообще надо?!

Бэтмен, смотря мне прямо в глаза, допил остатки моего пива, вынул из кармана пятьсот рублей и, кинув их на стол, как в дурацких фильмах, вышел из кабака. Барменша и пара посетителей пялились на меня. Похоже, я говорил слишком громко.

Размяв лицо, я встал из-за стола.

11

НАКОНЕЦ-ТО. Последний экзамен сдан.

Я ехал в электричке, ежеминутно прикладываясь к пластиковой бутылке, наполовину полной холодной воды. Кондиционеры не работали, а открытые окна ничуть не помогали, но унывать из-за этого не было никакого желания. Доблестный студент, наконец, одолел зловещую сессию и теперь готовился вкушать долгожданный отдых. Этот год выдался очень сложным.

Глянув на календарь в телефоне, я счастливо улыбнулся. Завтра футбол, можно будет позвать друзей, купить небольшую упаковку пива и, зависнув перед телевизором, смотреть матч, перебрасываясь комментариями. Или просто покрепче обнять подругу и, направив на себя вентилятор, поглядывать на зелёное полотно, а затем незаметно для самого себя задремать. Вариантов — безграничный океан...

— Гриндор, ты?! — эта фраза заставила меня вздрогнуть и поднять глаза.

Передо мной стоял человек, которого я не видел несколько последних лет. Он очень сильно изменился, и с первого мгновения узнать его не получилось. Мне в глаза смотрел улыбающийся Бэтмен, похоже, только что вышедший из тамбура.

— Привет, — неожиданность встречи немного сбила меня с толку.

— Здорово! Я рад тебя видеть, Грин, — Бэтмен сел рядом. — Ты сильно изменился, еле узнал тебя. Сидишь, в окно смотришь...

Он продолжал что-то говорить, иногда пихая меня в плечо, а я с интересом рассматривал его. В нём мало осталось от того паренька, с которым мы когда-то дружили. Лицо Бэта осунулось, стало ещё более щербатым. Взгляд его мне не казался знакомым: глаза не задерживались на одном месте больше двух мгновений, постоянно перебегая с одного объекта на другой, чего раньше никогда не было. Голову он почти не поднимал, большую часть времени предпочитая смотреть точно вниз. Эти мелочи лишь подтверждали те слухи, которые я о нём слышал.

У нас оставались общие знакомые даже после той ссоры в кабаке. Первое время мы передавали друг другу приветы, пару раз переписывались через интернет, в общем, имели кое-какие точки соприкосновения, но со временем исчезли и они. С каждым годом мы всё дальше отходили друг от друга, и последние пару лет я слышал о Бэтмене лишь одно — он пил. И пил довольно сильно, появлялся в городском ПТУ, который гордо называл колледжем, всё реже, устроился грузчиком на рынок, но вскоре ушёл и оттуда. Точнее, его выгнали, пояснив, что работа это не то место, куда стоит приходить лишь когда тебе хочется.

Сейчас же, смотря на этого, в общем-то, неплохого парня, жалость и тоска пробуждались во мне всё сильней.

— Как там наши? — прервал я молчание, продлившееся несколько секунд. — На футбол гоняешь?

Бэтмен хмыкнул в ответ:

— Полгода уже не ездил. Всё собираюсь, да времени нет, — произнеся это, он уставился в окно и замолчал.

— А наши?

— Что наши? — он с удивлением посмотрел мне в глаза.

— Как парни наши поживают? Башмак, Шварц, Колян, Фриц, Маляр? Я почти ничего не знаю про них с тех пор, как свалил с футбола.

— Ааа. Понял тебя. Ну, кто как. Ты вот, вроде, неплохо, — невесело улыбнулся он. — У остальных дела не очень. Хотя это с какой стороны посмотреть.

Он ненадолго замолчал, видимо, собираясь с мыслями, а затем продолжил:

— Маляр, насколько мне известно, продолжает ездить. Недавно пробил выезд в Екатеринбург, сейчас страшно этим гордиться, правда, в драках вроде как не участвует, только футбол смотрит да песни на трибуне поёт, — Бэтмен говорил безразличным тоном, и я так и не смог понять, как он относится к старому товарищу. — Вроде как тоже где-то учится, видать, не дурак. Шварц бухает. Даже я не могу так часто и так мощно набираться. Вкалывает на нашем заводе, деньги кое-какие получает. Пошли покурим, тут жарко сил нет.

Мы поднялись, прошли через вагон, оказались в тамбуре. Тут было немногим прохладней, Бэтмен сразу же достал из кармана пачку армейских сигарет, называющихся «Перекур», вынул одну и с удовольствием затянулся. Интересно, где он их берёт, в магазине подобного точно нет...

— Фриц женился, — продолжая свой рассказ, Бэтмен растянулся в улыбке. — Ты вспомни этого придурка! Паренька мелкого чуть не убил за то, что у того дед грузин, ты вспомни! Теперь представь — женился! Жахнул какую-то девку на вписке, а она залетела. Хочешь — не хочешь, а будь добр... Девка дурная попалась, аборт, мол, ни в какую... И себя, и пацана сгубила... Какой тут уже футбол?

Я смотрел на затягивающегося табачным дымом Бэтмена и пытался представить себе Фрица, который жил скромной семейной жизнью и воспитывал детей. Получалось не очень.

— Коля лежит в больнице уже недели три. И неизвестно, сколько ещё будет там торчать. Ему какой-то урод на улице то ли ножик в глаз засадил, то ли глаз этот самый порезал. Наверняка не знаю, но операцию ему точно делали. Даже вроде не одну. Говорит, как вылечусь — найду эту суку, убью к чертям. Как вышло не знаю, он же теперь приблатнённый, видать, решил с кого-то бабок снять, а тому этого не очень хотелось. Да с ним и не поговоришь толком, важный такой, будто все вместе не с одного котелка жрали.

За окном летел пёстрый пейзаж, буйство зелёных цветов и оттенков. Я всегда догадывался, что у этих парней жизнь сложится не совсем удачно. Чего там говорить, я был уверен в этом. Но сейчас, когда Бэтмен совсем безразлично пересказывал истории жизни тех людей, которых он всего лишь пару лет назад называл братьями, мне становилось грустно.

— Башмак вроде помер. Наверняка тоже не знаю, но как его из детдома выперли — исчез. Прошёл слух, что он по-серьёзному занаркоманил и скопытился, а вот верь ему или нет, этому слуху, — уж не знаю.

Низенький придурковатый паренёк, постоянно кидающий за нижнюю губу насвай. Даже Шварц, вечно бухающий Шварц говорил ему тогда — не стоит в это лезть, хрен выберешься, лишь сильнее увязнешь. Нет, считал себя этот паренёк самым умным, отшучивался и улыбался, когда Шварц его — почти на полном серьезе — ругал за маленькие, грязного цвета комочки чего-то мягкого и противного.

Осознание того, что я мог оказаться с этими людьми в одной лодке, продолжать как они, пугало меня и сейчас. Я просто вовремя ушёл оттуда. Просто вовремя повернул обратно, отказавшись идти по хлипкому льду. Это нельзя было считать моей заслугой. Мне просто повезло.

Бэтмен курил уже вторую сигарету, равнодушно смотря прямо перед собой и вряд ли догадываясь о моих мыслях. Заметив, что я повернулся к нему, он спросил:

— Может, пойдем по пивку жахнем? Только у меня денег сейчас нет... Зато хавку могу из дома вытащить!

Я покачал головой:

— Нет, Бэт, извини. Дела есть, да и по своей соскучился, сил нет. Давай как-нибудь в следующий раз?

— Можно и в следующий, — он шумно выдохнул дым и бросил на пол недокуренную сигарету.

Женский неприятный голос напомнил мне, что следующая станция Фрязево. Я пожал Бэту руку, пожелал удачи.

Ответом мне послужил лишь равнодушный кивок.

Теперь станция не напоминала мрачное место, в котором мы очутились той ноябрьской ночью. Я не слышал ни угроз, ни криков о помощи. На платформе виднелись обычные люди, спешащие по своим делам, а не бегущие друг на друга молодые ребята. Рыжая девчонка не плакала на путях, не осталось никаких признаков свершившихся той ночью событий. Обычный узел пересечения железнодорожных путей, с большим количеством пассажиров и электропоездов. Я обернулся, пока двери не закрылись: Бэтмен курил и не смотрел в мою сторону.